

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

№ 1 (2024)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА

1. Противоправное и активное сокрытие найденного имущества – мобильного телефона, находящегося в рабочем состоянии и имеющего идентификационные признаки, направленное на окончательное лишение законного владельца утерянного имущества и распоряжение чужим имуществом как своим собственным, с учетом тайного способа обращения с потерянной вещью, сокрытия самого факта ее обнаружения и принадлежности другому лицу, является преступлением, предусмотренным статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2020 г. (с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции) Г., несудимая, осуждена по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2021 г. приговор и апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 марта 2021 г. изменены, из осуждения Г. исключен квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину», действия Г. переквалифицированы с пункта «в» части 2 статьи 158 УК РФ на часть 1 статьи 158 УК РФ, по которой назначено 6 месяцев исправительных работ с удержанием 10% заработка в доход государства. В соответствии со статьей 73 УК РФ назначенное Г. наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 1 год.

Председатель Верховного Суда в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Г. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации² постановления от 12 января 2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-

---

¹ Далее – Верховный Суд.

² Далее – Конституционный Суд.

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова».

Президиум Верховного Суда 12 апреля 2023 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Г. в своем обращении в Конституционный Суд оспаривала конституционность части 1 статьи 158 УК РФ и пункта 1 примечаний к этой статье как позволяющих по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, привлекать к уголовной ответственности за кражу лицо, которое присвоило (обратило в свою пользу) найденное имущество, заведомо принадлежащее другому.

Конституционный Суд в своем постановлении от 12 января 2023 г. № 2-П признал часть 1 и пункт 1 примечаний к статье 158 УК РФ не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в своей взаимосвязи по конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что объективную сторону хищения в виде кражи найденного имущества, заведомо принадлежащего другому лицу и не имеющего признаков брошенного, образует единое сложное деяние, состоящее из завладения (установления фактического владения) обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее сокрытием или сокрытием источника ее получения, ее принадлежности другому лицу или ее идентифицирующих признаков, для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц, чем причиняется ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, а равно тайное завладение с теми же целями чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь.

При этом Конституционный Суд подчеркнул, что само по себе невыполнение действий, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 227 ГК РФ, если в них не содержатся указанные признаки, не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу.

В постановлении от 12 января 2023 г. № 2-П Конституционный Суд, разрешая вопрос о порядке его исполнения, указал, что судебные решения, вынесенные по делу Г. на основании части 1 и пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 227 ГК РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке. Президиум Верховного Суда вправе оставить судебные решения без изменения, если они основаны на истолковании указанных норм, не расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в постановлении.

Касаясь отграничения правомерного поведения лица, нашедшего вещь, от собственно хищения, Конституционный Суд отметил, в частности, что законодательно конкретизированным критерием для такого разграничения служит дальнейшее активное поведение лица, обнаружившего найденную

вещь. Если наряду с невыполнением (воздержанием от) действий, предусмотренных статьей 227 ГК РФ, лицо совершает сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и т.д.) либо сокрытие (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и т.д.), то такое активное поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели, а потому деяние, начавшееся как внешне правомерная находка, может перерасти в преступление, утрачивая признаки правомерности.

Применительно к вопросу о составообразующих признаках кражи найденного имущества Конституционный Суд подчеркнул, что противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом, обусловленная этим недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца, общественная опасность его присвоения как крайней формы злоупотребления нашедшим своими правомочиями свидетельствуют о выходе за частноправовые пределы, очерченные статьей 227 ГК РФ. Признаки такого злоупотребления могут расцениваться в качестве составообразующих признаков преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ, с учетом тайного способа обращения с потерянной вещью, сокрытия факта ее обнаружения и принадлежности другому лицу.

Следовательно, если вещь утрачена в месте, известном законному владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или получить ее либо по индивидуальным свойствам вещи законный владелец может быть идентифицирован и нет оснований полагать, что вещь является брошенной, то лицо, которое обнаружило такую вещь в подобной обстановке, осознавало или должно было осознавать указанные обстоятельства и при этом не только не приняло доступных ему мер найти законного владельца вещи, не сдало ее в установленном законом порядке, не обратилось в правоохранительные органы или органы местного самоуправления с заявлением о находке, но и активно сокрыло вещь для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу других лиц, то есть совершило тайное хищение – кражу.

Г. осуждена (с учетом изменений, внесенных в приговор) за кражу найденного в пассажирском маршрутном автобусе мобильного телефона Samsung Galaxy A 20S стоимостью 11 000 руб., принадлежащего Ш.

Судом установлено, что Г., увидев телефон в салоне автобуса на полу перед пассажирским сиденьем, обратила его в свою пользу, предварительно удостоверившись в том, что ее противоправные действия являются тайными, скрылась с места происшествия, а затем приняла меры, направленные на сокрытие найденной вещи, в частности отключила телефон и выбросила сим-карты.

Потерпевшей Ш., которая обнаружила отсутствие телефона через непродолжительное время после поездки, было достоверно известно место его утраты. Она имела возможность за ним вернуться либо иным способом

получить принадлежащую ей вещь, временно выбывшую из ее владения, о чем свидетельствуют ее обращения к диспетчеру автотранспортного предприятия и к водителю автобуса. Кроме того, Ш. с другого телефона неоднократно осуществляла звонки на свой абонентский номер, после чего, не получив положительного результата, обратилась за помощью в полицию.

Как следует из показаний осужденной, в том числе в судебном заседании, она сознавала, что найденный в автобусе телефон кому-то принадлежит, видела поступающие на абонентский номер вызовы, на которые не отвечала, избавилась от сим-карт и сбросила соответствующие настройки телефона; позднее установила свою сим-карту и стала пользоваться телефоном, пока его не изъяли сотрудники полиции.

При этом Г., имея умысел на обращение телефона в свою пользу, действуя с корыстной целью, не сообщила о его обнаружении ни водителю автобуса, ни кондуктору, а также не приняла каких-либо иных мер для выявления принадлежности телефона и установления его собственника.

Указанные обстоятельства, установленные на основании исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств, в том числе показаний потерпевшей Ш., свидетельствуют о том, что Г. совершила противоправное и активное сокрытие найденного имущества, направленное на окончательное лишение законного владельца утерянного имущества и распоряжение чужим имуществом как своим собственным, что с учетом тайного способа обращения с потерянной вещью, сокрытия самого факта ее обнаружения и принадлежности другому лицу, а также особенностей предмета хищения – мобильного телефона, находящегося в рабочем состоянии и имеющего идентификационные признаки, является преступлением, предусмотренным статьей 158 УК РФ.

Довод стороны защиты об отсутствии в действиях Г. признаков состава преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ, судами первой и вышестоящих инстанций проверялся и был признан необоснованным по мотивам, которые основаны на правильной оценке фактических обстоятельств, установленных с учетом исследованных доказательств, и совершенных виновной конкретными действиями.

Таким образом, приговор и последующие судебные решения, вынесенные по уголовному делу в отношении Г. в соответствии с частью 1 и пунктом 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьей 227 ГК РФ, основаны на истолковании указанных норм, не расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в постановлении Конституционного Суда от 12 января 2023 г. № 2-П.

Квалификация действий осужденной Г. по части 1 статьи 158 УК РФ (с учетом исключения судом кассационной инстанции квалифицирующего признака кражи «с причинением значительного ущерба гражданину») является правильной.

Совершенное ею деяние, посягающее на охраняемые законом права собственности, характеризуется умышленной формой вины и корыстной

целью, содержит все признаки состава преступления, включая его общественную опасность и противоправность.

С учетом этого, а также характера фактических обстоятельств дела, в том числе степени реализации преступных намерений, оснований для отмены судебных решений и прекращения уголовного дела в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления ввиду его малозначительности, о чем просит Г., не имеется.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда возобновил производство по уголовному делу в отношении Г. ввиду новых обстоятельств, приговор Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2020 г., апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 марта 2021 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2021 г. в отношении Г. оставил без изменения.

*Постановление Президиума Верховного Суда
№ 5-П23*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров о причинении вреда

2. Привлечение к деликтной ответственности лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, требует установления судом состава гражданского правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину.

3. обратилась в суд с иском к Л. о взыскании денежных средств, ссылаясь на то, что Л., являясь генеральным директором общества, под предлогом участия в долевом строительстве жилого дома обманным путем похитил принадлежащие ей денежные средства в размере 1 650 000 руб.

Постановлением территориального органа МВД России в возбуждении уголовного дела в отношении Л. по части 4 статьи 159 УК РФ отказано на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Полагая, что прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования не освобождает лицо, причинившее материальный вред, от его возмещения в полном объеме, истец просил взыскать с ответчика 1 650 000 руб.

Суд первой инстанции, принимая решение об удовлетворении исковых требований, исходил из того, что факт отказа в возбуждении уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, то есть по нереабилитирующему основанию, не освобождает это лицо от обязательств по возмещению причиненного ущерба и не исключает защиту потерпевшим своих прав в порядке гражданского судопроизводства. При этом суд первой инстанции указал, что доводы Л. о том, что он является ненадлежащим ответчиком, не могут быть приняты во внимание, поскольку основаны на неверном толковании норм права.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала выводы судебных инстанций ошибочными, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Пунктом 1 статьи 15 ГК РФ предусмотрено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В соответствии со статьей 1064 данного кодекса вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1). Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2).

Конституционный Суд в пункте 3.4 постановления от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 ГК РФ, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 НК РФ, статьи 199² УК РФ и части первой статьи 54 УПК РФ в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» отметил, что обязанность возместить причиненный вред как мера гражданско-правовой ответственности применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину. Тем самым предполагается, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения, – иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности.

Также Конституционный Суд в пункте 3.1 постановления от 2 марта 2017 г. № 4-П, касаясь вопросов, связанных с последствиями истечения

сроков давности привлечения к уголовной ответственности, с учетом постановления от 28 октября 1996 г. № 18-П, а также определений от 2 ноября 2006 г. № 488-О и от 15 января 2008 г. № 292-О-О пришел к выводу о том, что отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию не влекут признание лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. Подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то, что основания для осуществления в отношении его уголовного преследования сохраняются.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда от 16 июля 2015 г. № 1823-О, постановление о прекращении уголовного дела является письменным доказательством (часть 1 статьи 71 ГПК РФ) и подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами (статья 67 ГПК РФ).

Таким образом, обязанность возместить причиненный вред как мера гражданско-правовой ответственности применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину.

При этом не могут предрешать выводы суда о возможности привлечения к гражданско-правовой ответственности лица, в отношении которого по нереабилитирующим основаниям было отказано в возбуждении уголовного дела или уголовное преследование по обвинению в преступлении было прекращено, содержащиеся в процессуальном решении данные, включая сведения об установленных фактических обстоятельствах совершенного деяния, поскольку в деле о возмещении вреда они выступают письменными доказательствами и по отношению к иным доказательствам не обладают большей доказательственной силой.

Соответственно, при рассмотрении заявленного гражданского иска о возмещении причиненного преступлением вреда суд не связан решением соответствующего органа в части установления наличия состава гражданского правонарушения, однако обязан произвести всестороннее и полное исследование доказательств по делу и дать им надлежащую оценку.

Ссылка в решении суда первой инстанции исключительно на обстоятельства, установленные в постановлении должностного лица территориального органа МВД России об отказе в возбуждении уголовного дела, не освобождали суд от обязанности установить все необходимые элементы состава гражданского правонарушения.

Как следует из материалов дела, Л. обращал внимание судов на то, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности не является бесспорным и достаточным доказательством, свидетельствующим о том, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, и что им нарушены обязательства или причинены убытки, подчеркивая при этом, что договоры займа и договор о долевом участии в строительстве жилого дома З. заключала с обществом, а не с Л. как с физическим лицом.

Между тем в нарушение положений статей 67 и 198 ГПК РФ эти обстоятельства правовой оценки суда первой инстанции не получили, а другие доказательства, свидетельствующие о причинении вреда именно ответчиком, судом не исследовались, соответствующие обстоятельства не устанавливались.

Определение № 16-КГ23-11-К4

3. При разрешении спора о возмещении вреда, причиненного недрам, постановление по делу об административном правонарушении о привлечении лица (ответчика) к административной ответственности за пользование недрами без лицензии, вынесенное административным органом, не освобождает истца от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда ответчиком.

Орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации обратился в суд с иском к Щ. о возмещении вреда, причиненного недрам, указав, что ответчик на принадлежащем ему земельном участке осуществляет добычу общераспространенного полезного ископаемого (песка) с привлечением специализированной техники в отсутствие специального государственного разрешения (лицензии) на право пользования недрами. Вступившим в законную силу постановлением по делу об административном правонарушении от 28 мая 2021 г. Щ. привлечен к административной ответственности по части 1 статьи 7.3 КоАП РФ за пользование недрами без лицензии. Ссылаясь на данное постановление, истец просил взыскать с ответчика причиненный недрам вред в размере 55 795,50 руб.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, применив положения пункта 1 статьи 49 ГК РФ, статей 1², 9, 19 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (далее – Закон о недрах), пункта 1 статьи 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды), пришел к выводу о том, что ответчик имел право осуществлять в границах принадлежащего ему земельного участка без проведения взрывных работ изъятие для собственных нужд общепризнанных и не числящихся на государственном балансе полезных ископаемых.

Отменяя решение суда и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции исходил из того, что Щ. произвел добычу общераспространенного полезного ископаемого (песка) с целью его дальнейшего использования в своих интересах без получения соответствующей лицензии на пользование недрами. Как указал суд апелляционной инстанции, факт причинения ответчиком вреда окружающей среде подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении, которое не оспорено и вступило в силу.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 77 Закона об охране окружающей среды юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством.

Из разъяснений, изложенных в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее – постановление Пленума № 49), следует, что возмещение вреда, причиненного окружающей среде, осуществляется в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации, Лесным кодексом Российской Федерации, Водным кодексом Российской Федерации, Законом об охране окружающей среды, иными законами и нормативными правовыми актами об охране окружающей среды и о природопользовании.

Статьей 19 Закона о недрах предусмотрено, что собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы, арендаторы земельных участков имеют право осуществлять в границах данных земельных участков без применения взрывных работ использование для собственных нужд общераспространенных полезных ископаемых, имеющих в границах земельного участка и не числящихся на государственном балансе, подземных вод, объем извлечения которых должен составлять не более 100 кубических метров в сутки, из водоносных горизонтов, не являющихся источниками централизованного водоснабжения и расположенных над водоносными горизонтами, являющимися источниками централизованного водоснабжения, а также строительство подземных сооружений на глубину до пяти метров в порядке, установленном законами и иными нормативными правовыми актами субъектов

Российской Федерации. Под использованием для собственных нужд общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод в целях данной статьи понимается их использование собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами, арендаторами земельных участков для личных, бытовых и иных не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности нужд. Общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды, имеющиеся в границах земельного участка и используемые собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами, арендаторами земельных участков для личных, бытовых и иных не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности нужд, не могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому.

Перечень общераспространенных полезных ископаемых устанавливается в каждом субъекте Российской Федерации в соответствии с Правилами подготовки и утверждения региональных перечней полезных ископаемых, относимых к общераспространенным полезным ископаемым, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2021 г. № 1905.

Следовательно, действующее законодательство допускает возможность использования полезных ископаемых без лицензии при соблюдении определенных условий. Так, песок, относящийся к общераспространенным полезным ископаемым и не числящийся на государственном балансе, может быть использован собственником земельного участка, в границах которого он находится, для личных, бытовых и иных не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности нужд без лицензии.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции в нарушение пунктов 5 и 6 части 2 статьи 329 ГПК РФ своих суждений по вопросу правомерности либо неправомерности действий ответчика по использованию песка не высказал, иные обстоятельства дела не установил и не указал, по каким мотивам он не согласился с выводами нижестоящего суда.

Вместо этого суд апелляционной инстанции сослался только на то, что факт причинения Щ. вреда недрам подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении, которое не оспорено ответчиком и вступило в законную силу.

Между тем указанное постановление, вынесенное административным органом, не обладает свойством преюдициальности при рассмотрении дела о возмещении вреда, причиненного недрам, и в силу статей 61, 67, части 1 статьи 71 ГПК РФ не освобождает от обязанности доказывания обстоятельств дела, а является письменным доказательством и подлежит оценке наряду с другими доказательствами.

Также суд апелляционной инстанции не учел, что согласно пункту 14 постановления Пленума № 49 утвержденные в установленном порядке таксы и методики исчисления размера вреда (ущерба), причиненного окружающей среде, отдельным компонентам природной среды (землям, водным объектам,

лесам, животному миру и др.), подлежат применению судами для определения размера возмещения вреда, причиненного юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (пункт 3 статьи 77, пункт 1 статьи 78 Закона об охране окружающей среды, статья 51 Закона о недрах).

В отсутствие такс и методик определение размера вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, осуществляется исходя из фактических затрат, которые произведены или должны быть произведены для восстановления нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ (абзац второй пункта 1 статьи 78 Закона об охране окружающей среды).

Равным образом указанные положения подлежат применению при расчете размера вреда, причиненного окружающей среде гражданами (пункт 1 статьи 77 Закона об охране окружающей среды).

В соответствии со статьей 51 Закона о недрах лица, причинившие вред недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах, возмещают его добровольно или в судебном порядке. Порядок расчета размера вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах, устанавливается Правительством Российской Федерации.

Как разъяснено в пункте 12 постановления Пленума Верховного Суда от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков. Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Возражая против удовлетворения иска, И. ссылаясь в том числе на недоказанность размера ущерба, указывая, что объем изъятого песка не определялся, замеры глубины и ширины участка, на котором добывался песок, не производились.

Однако указанные обстоятельства не были установлены судом апелляционной инстанции, фактически уклонившимся от определения размера причиненного вреда, и сославшимся только на то, что заявленный истцом к взысканию размер ущерба ответчиком не оспорен.

Определение № 41-КГ23-12-К4

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

4. Исполнивший обязательство поручитель, не заявивший о включении его требования в реестр требований кредиторов в рамках дела о банкротстве должника, не вправе предъявить свои требования к должнику после признания его банкротом и освобождения от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

П. обратился в суд с иском к К. о взыскании денежных средств и расходов на уплату государственной пошлины.

Судом установлено, что вступившим в законную силу апелляционным определением от 30 сентября 2015 г. с К. (должник) и П. (поручитель) в пользу банка в солидарном порядке взысканы задолженность по кредитному договору от 14 августа 2012 г., проценты за пользование кредитом, неустойка за нарушение срока выплаты кредита, неустойка за нарушение срока уплаты процентов за пользование кредитом и расходы на уплату государственной пошлины. В удовлетворении встречного иска П. отказано.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 23 ноября 2015 г. в отношении П. возбуждено исполнительное производство о взыскании в солидарном порядке суммы задолженности, которое окончено в связи с полным исполнением постановлением от 25 декабря 2020 г.

14 октября 2016 г. К. в счет возмещения денежных средств, уплаченных истцом по исполнительному производству, в добровольном порядке частично выплатил П. денежные средства.

Решением арбитражного суда от 7 мая 2018 г. К. признан несостоятельным (банкротом), в отношении его введена процедура реализации имущества гражданина. Объявление о процедуре банкротства гражданина К. было опубликовано 19 мая 2018 г. в газете «Коммерсантъ». Дата закрытия реестра требований кредиторов – 19 июля 2018 г.

К., обращаясь в арбитражный суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом), направил всем кредиторам, в том числе П., копию этого заявления почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

Финансовым управляющим также было направлено П. уведомление о реализации имущества и порядке предъявления требований кредиторов от 28 июня 2018 г. П. в реестр требований кредиторов должника не включился.

Определением арбитражного суда от 18 июня 2020 г. процедура реализации имущества должника завершена, К. освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе не заявленных при введении процедуры реализации имущества граждан.

Поскольку часть денежных средств ответчиком не возвращены, П., ссылаясь на положения пункта 1 статьи 365 ГК РФ, обратился в суд общей юрисдикции с иском о взыскании денежных средств.

Прекращая производство по делу на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, суд первой инстанции сослался на статьи 213⁶, 213¹¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), указав, что истец П. как кредитор К. должен был предъявить свои требования в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), чего им сделано не было.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции, отменяя определение суда первой инстанции и апелляционное определение, сослался на статью 213²⁸ Закона о банкротстве и указал, что требования кредиторов, не заявленные в процессе реализации имущества гражданина, в том числе о наличии которых кредитор не знал и не должен был знать к моменту принятия определения о завершении реализации имущества гражданина, могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве гражданина.

По мнению суда кассационной инстанции, поскольку процедура банкротства К. была завершена 18 июня 2020 г., а право регрессного требования возникло у истца после выплаты долга 25 декабря 2020 г., требования П. могли быть предъявлены в суд общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства, в связи с чем оснований для прекращения производства по делу не имелось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала постановление кассационного суда общей юрисдикции вынесенным с существенным нарушением норм права, отменила его и направила дело на новое кассационное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 361 ГК РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части.

Согласно пункту 1 статьи 365 названного кодекса к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора. Поручитель также вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника.

Как следует из разъяснений, изложенных в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве», поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник, если иное не установлено договором поручительства. При этом поручитель не является должником в основном обязательстве, а исполняет свою собственную обязанность в указанном объеме (пункт 1 статьи 361, пункт 2 статьи 366 ГК РФ).

В силу пункта 1 статьи 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому

лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона.

Согласно подпункту 3 пункта 1 статьи 387 этого кодекса права кредитора по обязательству переходят к другому лицу на основании закона, в частности вследствие исполнения обязательства поручителем должника.

Таким образом, требование поручителя к должнику не является регрессным, права кредитора по основному обязательству переходят к поручителю в порядке суброгации.

С учетом изложенного вывод кассационного суда общей юрисдикции в части признания требований истца регрессными ошибочен.

Как указывал К., процедура банкротства в отношении его завершена с освобождением его от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе не заявленных при введении процедуры реализации имущества граждан. П. право на включение в реестр кредиторов не реализовал, при этом от исполнения требований первоначального кредитора (банка), права которого перешли к П., он освобожден в связи с завершением процедуры банкротства.

Приведенные доводы не получили надлежащей правовой оценки при принятии судебного акта кассационным судом общей юрисдикции, однако они являются существенными для правильного разрешения спора.

Кроме того, в соответствии со статьей 213²⁸ Закона о банкротстве после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина. Освобождение гражданина от обязательств не распространяется на требования кредиторов, предусмотренные пунктами 4 и 5 названной статьи, а также на требования, о наличии которых кредиторы не знали и не должны были знать к моменту принятия определения о завершении реализации имущества гражданина (пункт 3). Требования кредиторов по текущим платежам, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате заработной платы и выходного пособия, о возмещении морального вреда, о взыскании алиментов, а также иные требования, неразрывно связанные с личностью кредитора, в том числе требования, не заявленные при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина, сохраняют силу и могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве гражданина в непогашенной их части в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (пункт 5).

В силу пункта 1 статьи 5 Закона о банкротстве в целях данного федерального закона под текущими платежами понимаются денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления

о признании должника банкротом, если иное не установлено этим федеральным законом.

В соответствии с пунктом 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» судам следует иметь в виду, что переход права требования к другому лицу путем уступки или на основании закона (пункт 1 статьи 382 ГК РФ) не изменяет статуса данного требования с точки зрения его квалификации в соответствии со статьей 5 Закона о банкротстве (в частности, при переходе к поручителю, исполнившему обеспеченное поручительством обязательство, прав кредитора по этому обязательству в силу пункта 1 статьи 365 ГК РФ).

С учетом изложенного Судебная коллегия указала на ошибочность выводов кассационного суда общей юрисдикции, поскольку требования истца не относятся ни к текущим, ни к иным требованиям, названным в пункте 5 статьи 213²⁸ Закона о банкротстве, и не подлежат предъявлению после завершения процедуры реализации имущества должника.

Определение № 58-КГ22-12-К9

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

5. В целях обеспечения защиты имущественных прав несовершеннолетних на жилое помещение, полученное в порядке приватизации одним из родителей, судом должны быть установлены обстоятельства приватизации спорного имущества, соблюдение при приватизации требований закона и соответствующего контроля со стороны государственных органов.

Т., действующая в интересах несовершеннолетних М. и А., обратилась в суд с иском к администрации города, С., К. о признании договоров недействительными в части. В обоснование требований истец указала на то, что в спорной квартире до 25 июня 2020 г. были зарегистрированы и проживали совместно с ответчиком (ее супругом С.) их несовершеннолетние дети – А., 2018 года рождения, и М., 2019 года рождения. 25 марта 2020 г. между С. и администрацией города заключен договор социального найма спорной квартиры без включения в данный договор детей, а 30 марта 2020 г. между теми же сторонами заключен договор приватизации квартиры. Передача жилого помещения в собственность С. осуществлена с нарушением прав несовершеннолетних, согласие на такие действия от органов опеки и попечительства не испрашивалось. 26 августа 2020 г. ответчик продал квартиру К. О совершенных ответчиком сделках ей не было известно. Т., уточнив требования, просила суд признать договор социального найма квартиры в части невключения в этот договор несовершеннолетних недействительным, признать договор приватизации в части невключения

в него несовершеннолетних недействительным, истребовать из чужого незаконного владения в пользу М. и А. по 1/3 доли в праве собственности на квартиру.

К. подала встречный иск о признании ее добросовестным приобретателем, указав, что покупка квартиры осуществлялась ею через агентство недвижимости, которое проверяло юридическую чистоту сделки.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу о частичном удовлетворении первоначальных исковых требований и об удовлетворении встречных исковых требований. При этом суд исходил из того, что несовершеннолетние М. и А. имели право на участие в приватизации квартиры, однако незаконно не были включены в договор социального найма и договор приватизации. Данные договоры заключены с нарушением требований действующего законодательства. Суд признал договор социального найма квартиры недействительным в части невключения в него несовершеннолетних, а также недействительным договор приватизации квартиры в части невключения в него несовершеннолетних в качестве приобретателей. Однако, установив, что на момент заключения договора купли-продажи К. приняла все необходимые меры, направленные на проверку юридической судьбы приобретаемой ею квартиры, что квартира приобретена К. по возмездной сделке, с момента совершения которой последняя владеет и пользуется ею, суд признал К. добросовестным приобретателем и отказал в удовлетворении первоначальных исковых требований Т., действующей в интересах несовершеннолетних М. и А., об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Суд апелляционной инстанции согласился с приведенными суждениями суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала, что, отказывая в удовлетворении требований истца об истребовании 2/3 доли в праве общей долевой собственности на жилое помещение – квартиру, и признавая К. добросовестным приобретателем спорного имущества, суд не исследовал вопрос о соблюдении прав детей при заключении договора приватизации и договора купли-продажи жилого помещения, поскольку С. скрыл факт невключения детей в договор социального найма, а также в договор приватизации квартиры, а затем произвел отчуждение квартиры, не получив согласия органа опеки и попечительства на совершение сделки.

Положения абзаца третьего пункта 3 статьи 60 СК РФ, статей 28 и 37 ГК РФ, а также статьи 21 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» направлены на обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних при отчуждении принадлежащего им имущества.

Судами было установлено, что на момент заключения договора приватизации несовершеннолетние М. и А. имели право пользования спорным жилым помещением, в связи с чем в силу положений статьи 7 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-І «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» также имели право на участие в его приватизации. Кроме того, установив, что разрешение органов опеки и попечительства на отказ от участия несовершеннолетних в приватизации получено не было, с учетом разъяснений, данных в пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», суды пришли к выводу о недействительности в части договора социального найма жилого помещения от 25 марта 2020 г. и договора приватизации от 30 марта 2020 г. в части невключения в него несовершеннолетних М. и А.

Между тем суды не восстановили нарушенные права и законные интересы несовершеннолетних детей, гарантированные частью 3 статьи 17, частью 2 статьи 38 и частью 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации.

В обоснование требований Т. ссылаясь на положения пункта 1 статьи 302 ГК РФ, в силу которых, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Пунктом 39 совместного постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда № 10/22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» разъяснено, что по смыслу пункта 1 статьи 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения или владения лица, которому оно было передано собственником, помимо их воли.

Недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу.

Таким образом, юридически значимыми обстоятельствами, подлежащими установлению судом по данной категории споров, являются: наличие (отсутствие) права собственности лица, обратившегося с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения; выбытие имущества из владения собственника или из владения лица, которому оно

было передано собственником во владение, по воле или помимо их воли; возмездность (безвозмездность) приобретения имущества.

Указанные обстоятельства, имеющие значение для дела, в силу части 2 статьи 56 ГПК РФ должны быть вынесены на обсуждение судом, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Однако обстоятельства выбытия спорного имущества из владения несовершеннолетних, соблюдения требований закона, допускающего условия такого выбытия и контроль за этим со стороны государственных органов, не были определены судами в качестве юридически значимых и соответствующей правовой оценки не получили.

Определение № 41-КГ23-6-К4

6. Режим общей совместной собственности супругов на имущество, нажитое в период брака, может быть ими изменен только на основании нотариально удостоверенного соглашения.

К. обратилась в суд с иском к А. о признании доли в праве собственности на недвижимое имущество незначительной, взыскании денежной компенсации, прекращении права собственности, указав, что 19 января 2018 г. заключила брак с А., 2 февраля 2018 г. сторонами в общую долевую собственность была приобретена квартира, при этом согласно договору купли-продажи К. приобрела в собственность 9/10 доли в праве собственности на квартиру, а А. – 1/10 доли. Указанное жилое помещение является единственным местом жительства истца, ответчик же существенного интереса в его использовании не имеет.

А. обратился в суд со встречным иском к К. о признании имущества совместной собственностью супругов и его разделе, мотивировав свои требования тем, что приобретенные по договору купли-продажи от 2 февраля 2018 г., то есть в период брака сторон, объекты недвижимого имущества являются их совместно нажитым имуществом, которое должно быть разделено между истцом и ответчиком в равных долях. Кроме того, А. указал, что в период брака был приобретен автомобиль, для покупки которого в банке им взят потребительский кредит, задолженность по нему выплачивалась им. А. просил суд передать данный автомобиль в единоличную собственность К. с взысканием с нее половины потраченных истцом на приобретение автомобиля денежных средств.

Как установлено судом и следует из материалов дела, с 19 января 2018 г. по 31 октября 2019 г. К. и А. состояли в зарегистрированном браке, который был расторгнут на основании решения мирового судьи от 30 сентября 2019 г.

Брачный договор между сторонами не заключался.

В период брака по договору купли-продажи от 2 февраля 2018 г., заключенному в простой письменной форме, К. и А. приобрели за 1 200 000 руб. в общую собственность (9/10 доли и 1/10 доли соответственно)

квартиру общей площадью 49,3 кв. м, а также доли в праве собственности на земельный участок и общее имущество собственников помещений многоквартирного дома.

Решением суда в удовлетворении исковых требований К. отказано. Встречные иски А. удовлетворены частично.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения встречных исковых требований А. о признании совместной собственностью бывших супругов в равных долях земельного участка и расположенного на нем здания, признании за А. права на 1/2 доли в праве общей совместной собственности на указанные объекты недвижимости с уменьшением доли К. в праве собственности на это имущество до 1/2, суд апелляционной инстанции указал на то, что при заключении в период брака договора купли-продажи спорной квартиры 2 февраля 2018 г. супруги определили доли в праве собственности на объекты недвижимости, таким образом, раздел данного имущества был осуществлен супругами при его приобретении.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их, направив дело на новое апелляционное рассмотрение в связи со следующим.

Согласно пункту 1 статьи 33 СК РФ законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности.

Пунктами 1, 2 статьи 34 СК РФ определено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В соответствии с нормами семейного законодательства изменение правового режима общего имущества супругов возможно на основании заключенного между ними брачного договора (статьи 41, 42 СК РФ), соглашения о разделе имущества (пункт 2 статьи 38 СК РФ).

В силу пункта 1 статьи 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов.

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что заключенный в период брака сторон договор купли-продажи квартиры от 2 февраля 2018 г., которым стороны согласовали приобретение квартиры в общую собственность с определением долей в праве собственности на нее: 9/10 – за К. и 1/10 – за А., является соглашением об изменении режима общей совместной собственности супругов, сделан без учета изменений, внесенных Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в статью 38 СК РФ.

Согласно пункту 2 статьи 38 СК РФ (в редакции Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ, вступившего в силу в части внесения изменений в статью 38 СК РФ с 29 декабря 2015 г. и действовавшего на момент заключения договора купли-продажи квартиры от 2 февраля 2018 г.) общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению. Соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, должно быть нотариально удостоверено.

Таким образом, после внесения изменений в статью 38 СК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ соглашение о разделе имущества супругов является основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов в отношении их совместной собственности только при соблюдении нотариальной формы сделки, что не было учтено судами апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении данного дела.

Определение № 18-КГ23-45-К4

Разрешение споров, возникающих из семейных отношений

7. Споры об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей суд должен разрешать в соответствии с принципом равенства прав родителей и с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, его отношения к каждому из родителей (матери, отцу), другим родственникам, которых ребенок относит к своей семье, руководствуясь исключительно интересами ребенка.

А (отец В) обратился в суд с иском к Б (матери В) об определении места жительства несовершеннолетней В (дочери А и Б), 2010 года рождения, с отцом, указав, что после расторжения брака между сторонами дочь проживает с ним, она посещает муниципальное общеобразовательное учреждение, для проживания дочери вместе с ним в квартире созданы все

необходимые условия: отдельная комната с мебелью, соответствующей возрастным потребностям дочери, хорошие санитарные условия, имеется вся необходимая по сезону одежда и обувь. Он ответственно заботится о воспитании и содержании ребенка.

Б (мать В) обратилась в суд со встречным иском к А (отцу В) об определении места жительства несовершеннолетней дочери с ней. Не отрицала то обстоятельство, что после расторжения брака дочь осталась проживать с отцом, однако указала, что всегда осуществляла и продолжает осуществлять должный уход за ребенком, занимается ее воспитанием, создает материально-бытовые условия. Дочь привязана к ней и нуждается в ее внимании и заботе. Б (мать В) проживает в квартире, которая находится в благоустроенном районе с развитой инфраструктурой, необходимой для поддержания и полноценного развития дочери.

Разрешая спор и принимая решение об определении места жительства несовершеннолетней дочери В с отцом, суд первой инстанции исходил из того, что дочь доброжелательно относится к обоим родителям, любит их, но в настоящее время она проживает с отцом и хотела бы остаться с ним. Отец надлежащим образом занимается воспитанием и содержанием несовершеннолетнего ребенка по месту своего жительства при наличии сложившихся с ребенком ровных, доброжелательных отношений и благоприятного психологического климата в семье, а также сложившихся хороших условий для ее образования. Изменение порядка воспитания ребенка при определении ее места жительства с матерью при указанных обстоятельствах негативно отразится на условиях воспитания и развития ребенка, что не будет соответствовать интересам ребенка. Суд первой инстанции сделал вывод о необходимости определения места жительства ребенка с отцом, поскольку дочь выражает явное желание проживать с отцом. Выводы суда основаны на психологических особенностях возраста, привязанности девочки к отцу, обстановке, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей.

Отменяя решение суда и принимая новое решение об определении места жительства несовершеннолетней дочери с матерью, суд апелляционной инстанции исходил из того, что отцом не представлены, а судом не установлены исключительные обстоятельства для разлучения дочери с матерью при разрешении вопроса о месте ее жительства. Также суд апелляционной инстанции указал, что несовершеннолетняя дочь не осознает свои собственные интересы, ребенок обосновывает их исключительно удобством проживания по месту жительства отца, отсутствием негативного влияния матери на развитие ребенка, в связи с чем определение места жительства несовершеннолетней с отцом не отвечает интересам ребенка.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда с выводами судебных инстанций не согласилась, отменила состоявшиеся по делу

постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Пунктом 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее – Конвенция) провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно статье 12 Конвенции ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим его, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

В статье 57 СК РФ закреплено право ребенка на выражение своего мнения, которое не ограничено условием о достижении определенного возраста, но установлена обязательность учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет (за исключением случаев, когда это противоречит его интересам).

В силу пункта 3 статьи 65 СК РФ место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей. При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое).

Пленум Верховного Суда в пункте 5 постановления от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных воспитанием детей» разъяснил, что, решая вопрос о месте жительства несовершеннолетнего при раздельном проживании его родителей (независимо от того, состоят ли они в браке), необходимо иметь в виду, что место жительства ребенка определяется исходя из его интересов, а также с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при условии, что это не противоречит его интересам (пункт 3 статьи 65, статья 57 СК РФ). При этом суд принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим

членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей.

По требованиям родителей об определении места жительства ребенка юридически значимым и подлежащим доказыванию с учетом положений пункта 3 статьи 65 СК РФ, а также части 2 статьи 56 ГПК РФ являлось выяснение судом вопроса о том, проживание с кем из родителей (матерью или отцом) наиболее полно будет соответствовать интересам ребенка.

Положения приведенных выше правовых норм, а также их разъяснения не были учтены судами апелляционной и кассационной инстанций при разрешении спора.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, не отразил мотивы, по которым он пришел к выводу о целесообразности проживания несовершеннолетней с матерью, не привел доводов, ставящих под сомнение заключение органа опеки и попечительства, в котором указано на целесообразность определения места жительства ребенка с отцом, при том что ребенок постоянно с ним проживает.

В нарушение статьи 57 СК РФ суд апелляционной инстанции не принял во внимание мнение самой несовершеннолетней, достигшей десятилетнего возраста на момент разрешения спора судом, выразившей желание проживать с отцом, и пришел к выводу о необходимости определения места жительства ребенка по половому (гендерному) признаку с матерью. При этом судом не было дано надлежащей оценки заключению судебной психолого-педагогической экспертизы, из которого в том числе следует, что активного психологического давления со стороны каждого из родителей на ребенка не определяется, несовершеннолетняя сохраняет желание проживать с отцом.

Суд апелляционной инстанции, определяя место жительства ребенка с матерью, формально сослался на положения Декларации прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г.), указав на отсутствие каких-либо исключительных обстоятельств для разлучения матери с малолетней дочерью (принцип 6 названной декларации). Однако данное суждение не учитывает такие юридически значимые обстоятельства, как отношение ребенка к каждому из родителей, другим родственникам, которых ребенок считает своей семьей. Интересы ребенка и его психологическое состояние являются этими исключительными обстоятельствами.

Между тем вывод суда должен быть соотнесен и с закрепленным семейным законодательством принципом равенства родительских прав и обязанностей отдельно проживающих родителей (пункт 1 статьи 61 СК РФ).

Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (пункт 1 статьи 63 СК РФ).

Таким образом, при разрешении вопроса об определении места жительства ребенка необходимость наилучшего обеспечения его интересов не была принята во внимание. Судами не было учтено, что определение места жительства ребенка с одним из родителей не исключает возможности другого родителя полноценно общаться с ребенком, а также принимать участие в его воспитании без каких-либо ограничений.

Определение № 16-КГ23-20-К4

Разрешение споров, связанных с социальными, трудовыми отношениями

8. При определении уровня имущественной обеспеченности семьи в целях получения меры государственной социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно из суммарной площади земельных участков, находящихся в собственности лица, претендующего на получение этой выплаты, и членов его семьи, подлежат исключению земельные участки сельскохозяйственного назначения.

П., действуя в интересах своих четверых несовершеннолетних детей, 12 октября 2021 г. обратилась в суд с иском к управлению социальной защиты населения (далее – орган социальной защиты населения) о признании незаконным и отмене решения об отказе ей в назначении ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно (далее также – ежемесячная денежная выплата на ребенка) и о возложении обязанности назначить данную денежную выплату.

П. ссылалась на то, что ее семья является многодетной, состоит на учете в органе социальной защиты населения как малоимущая, однако органом социальной защиты населения ей было отказано в назначении ежемесячной денежной выплаты на ребенка по причине наличия у ее семьи недвижимого имущества, превышающего критерии нуждаемости.

В процессе рассмотрения дела представитель органа социальной защиты населения указал, что основанием для отказа П. в назначении ежемесячной денежной выплаты на ребенка явилось то обстоятельство, что суммарная площадь земельных участков, принадлежащих семье П. и подлежащих учету при определении наличия у нее права на получение этой

выплаты, включая земельный участок для сельскохозяйственного производства, превышает 1 гектар.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования П., суд первой инстанции руководствовался положениями Указа Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», нормативными правовыми актами Краснодарского края, регулирующими предоставление ежемесячной денежной выплаты на ребенка, и пришел к выводу о наличии у П. права на получение ежемесячной денежной выплаты на ребенка, в связи с чем признал отказ органа социальной защиты населения в назначении П. этой выплаты незаконным, возложив обязанность назначить ей ежемесячную денежную выплату на ребенка с даты достижения ребенком возраста 3 лет.

Суд первой инстанции исходил из того, что из суммарной площади земельных участков, находящихся в собственности П., претендующей на получение спорной выплаты, подлежат исключению земельные участки сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», а суммарная площадь земельных участков, за исключением принадлежащего П. на праве собственности земельного участка сельскохозяйственного назначения, не превышает 1 гектар (10 000 кв. м), как это определено нормативным правовым регулированием.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований П., суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции о праве П. на получение ежемесячной денежной выплаты на ребенка основанными на неправильном толковании норм материального права, приведя доводы о том, что принадлежащий П. на праве собственности земельный участок площадью 22 300 кв. м, имеющий вид разрешенного использования – для сельскохозяйственного производства, при определении уровня имущественной обеспеченности семьи П. не подлежит исключению из суммарной площади принадлежащих ей и ее семье земельных участков, поскольку П. является единственным собственником этого земельного участка, на который не распространяются положения Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда не согласилась с выводами судов апелляционной и кассационной инстанций, указав следующее.

Одной из мер государственной социальной поддержки семей, имеющих детей, является ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет, установленная Указом Президента Российской Федерации от 20 марта

2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»³. Названная выплата предоставляется семье, имеющей ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленного в субъекте Российской Федерации.

Во исполнение названного Указа Президента Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 384 утверждены Основные требования к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно (далее – Основные требования).

В пункте 16 Основных требований приведены основания для отказа в назначении или перерасчете ежемесячной денежной выплаты. В числе таких оснований указано наличие в собственности у заявителя и членов его семьи объектов недвижимого имущества, которые перечислены в подпункте «г» пункта 16 Основных требований. Среди таких объектов недвижимого имущества – земельные участки, суммарная площадь которых превышает 0,25 гектара, а для территории сельских поселений или межселенных территорий – 1 гектар.

Вместе с тем в соответствии с данной нормой при определении суммарной площади земельных участков из подсчета исключаются, то есть не учитываются находящиеся в общей долевой собственности земельные участки и земли сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», земельные участки, предоставленные многодетной семье уполномоченным органом субъекта Российской Федерации или муниципального образования в рамках предоставления мер социальной поддержки, земельные участки, предоставленные в соответствии с Федеральным законом от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴.

Аналогичные федеральным нормам условия предоставления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно содержатся в нормативных правовых актах субъекта

---

³ С 1 января 2023 г. Указ Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» утратил силу в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 13 января 2023 г. № 12 «О некоторых вопросах, связанных с предоставлением мер социальной поддержки семьям, имеющим детей», сохранившего право на получение назначенных Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 выплат до окончания периодов, на которые были назначены эти выплаты.

⁴ Наименование Федерального закона от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ приводится в редакции, содержащейся в пункте 16 Основных требований.

Российской Федерации – Краснодарского края⁵, регулирующих спорные отношения, где проживает истец П.

Таким образом, как федеральным законодательством, так и законодательством субъекта Российской Федерации предусмотрено, что при определении нуждаемости семьи, имеющей ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, в получении меры государственной социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты из суммарной площади земельных участков, находящихся в собственности лица, претендующего на получение этой выплаты, подлежат исключению находящиеся в собственности земельные участки сельскохозяйственного назначения, в том числе, если лицо является единственным собственником земельного участка сельскохозяйственного назначения.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований П., дал ошибочное толкование нормам права, регулирующим спорные отношения, в результате чего сделал неправомерный вывод о том, что принадлежащий П. на праве собственности земельный участок, имеющий вид разрешенного использования – для сельскохозяйственного производства, не подлежит исключению из суммарной площади принадлежащих ей и ее семье земельных участков, поскольку П. является единственным собственником этого земельного участка, на который не распространяются положения Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

В отличие от суда апелляционной инстанции суд первой инстанции, разрешая исковые требования П., с учетом правовой природы ежемесячной денежной выплаты на ребенка, применил нормы материального права к спорным отношениям правильно и признал незаконным решение органа социальной защиты населения по включению в состав принадлежащих П. на праве собственности земельных участков земельного участка, имеющего вид разрешенного использования – для сельскохозяйственного производства, при установлении уровня имущественной обеспеченности семьи П. для определения ее нуждаемости в назначении ежемесячной денежной выплаты на ребенка.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе П. законность апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные им нарушения норм права не выявил и не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные постановления

---

⁵ Закон Краснодарского края от 9 апреля 2020 г. № 4269-КЗ «О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно» (часть 1 статьи 2), Порядок предоставления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, утвержденный постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 10 апреля 2020 г. № 209 (пункт 34).

судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 18-КГ23-46-К4

9. При рассмотрении спора о привлечении работника к материальной ответственности суду необходимо проверить, проводил ли работодатель до принятия решения о возмещении ущерба конкретным работником проверку с обязательным истребованием от работника письменного объяснения для установления размера ущерба, причин его возникновения и вины работника в причинении ущерба, а также вынести на обсуждение сторон вопрос о снижении размера ущерба в порядке статьи 250 Трудового кодекса Российской Федерации.

Представитель общества (работодателя) 14 октября 2021 г. обратился в суд с иском к М. (работнику общества) о взыскании суммы ущерба и расходов на уплату государственной пошлины, указав, что 3 января 2019 г. по вине работника М., исполнявшего трудовые обязанности и управлявшего принадлежащим обществу грузовым автомобилем, произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого причинены механические повреждения легковому автомобилю, принадлежащему А., оцененные согласно экспертному заключению в общей сумме ущерба – 960 996 руб.

Постановлением по делу об административном правонарушении М. признан виновным в совершении административного правонарушения по факту дорожно-транспортного происшествия и привлечен к административной ответственности с назначением административного наказания в виде штрафа.

Вступившим в законную силу решением суда от 29 апреля 2021 г. с общества в пользу А. в возмещение ущерба взыскана сумма в размере 569 805 руб. (в размере ущерба, превышающем сумму выплаченного страхового возмещения по договору ОСАГО). Общество исполнило данное решение суда в полном объеме и произвело выплату А. взысканной в его пользу общей денежной суммы

Представитель общества (работодателя), ссылаясь на положения статьи 1064, пункта 1 статьи 1068, статьи 1081 ГК РФ, статьи 243 ТК РФ, просил взыскать с работника М. в порядке регресса выплаченную обществом в пользу А. по решению суда сумму возмещения вреда.

Ответчик М. и его представитель в суде первой инстанции приводили доводы о нарушении работодателем порядка привлечения его к материальной ответственности, отмечая, что обществом проверка для установления причины возникновения ущерба и его размера не проводилась, письменные объяснения у М. не истребовались.

Суд первой инстанции взыскал с М. в пользу общества ущерб, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия, в размере 47 867 руб., поскольку полагал, что работник М. должен нести

ответственность за причиненный работодателю ущерб в размере среднего месячного заработка.

Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, с М. в пользу общества взыскан ущерб в размере 569 805 руб. исходя из того, что в соответствии с пунктом 6 части первой статьи 243 ТК РФ работник должен нести материальную ответственность перед работодателем в полном размере причиненного ущерба, так как ущерб им причинен в результате административного правонарушения, установленного соответствующим государственным органом. При этом суд апелляционной инстанции отклонил доводы апелляционной жалобы М. о непроведении в отношении его работодателем проверки по факту причиненного ущерба и о неистребовании у него письменного объяснения, оснований для снижения в порядке статьи 250 ТК РФ размера ущерба не усмотрел.

Кассационный суд общей юрисдикции состоявшиеся по делу судебные постановления оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с существенным нарушением норм права ввиду следующего.

Главы 39 ТК РФ «Материальная ответственность работника» (статьи 238–250) определены условия и порядок возложения на работника, причинившего работодателю имущественный ущерб, материальной ответственности, в том числе и пределы такой ответственности.

За причиненный ущерб работник несет материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено указанным кодексом или иными федеральными законами (статья 241 ТК РФ).

Перечень случаев возложения на работника материальной ответственности в полном размере причиненного ущерба приведен в статье 243 ТК РФ.

Так, согласно пункту 6 части первой статьи 243 ТК РФ материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба возлагается на работника в случае причинения ущерба в результате административного правонарушения, если таковое установлено соответствующим государственным органом.

В силу статьи 247 ТК РФ до принятия решения о возмещении ущерба конкретными работниками работодатель обязан провести проверку для установления размера причиненного ущерба и причин его возникновения. Для проведения такой проверки работодатель имеет право создать комиссию с участием соответствующих специалистов. Истребование от работника письменного объяснения для установления причины возникновения ущерба является обязательным. В случае отказа или уклонения работника от предоставления указанного объяснения составляется соответствующий акт. Работник и (или) его представитель имеют право знакомиться со всеми материалами проверки и обжаловать их в порядке, установленном данным кодексом.

Материальная ответственность работника является самостоятельным видом юридической ответственности и возникает лишь при наличии ряда обязательных условий, к которым относятся: наличие прямого действительного ущерба, противоправность поведения (действия или бездействия) работника, причинно-следственная связь между действиями или бездействием работника и причиненным ущербом, вина работника в причинении ущерба. Бремя доказывания наличия совокупности указанных обстоятельств законом возложено на работодателя, который до принятия решения о возмещении ущерба конкретным работником обязан провести проверку с обязательным истребованием от работника письменного объяснения для установления размера причиненного ущерба, причин его возникновения и вины работника в причинении ущерба.

Суд апелляционной инстанции, изменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с М. в пользу общества материального ущерба в размере среднего месячного заработка и взыскивая с ответчика в пользу истца материальный ущерб в полном размере, нормы трудового законодательства, регулирующие порядок возложения на работника ответственности за причиненный работодателю при исполнении трудовых обязанностей ущерб, в том числе положения статьи 247 ТК РФ об обязанности работодателя провести проверку для установления размера причиненного ущерба и причин его возникновения, не учел и, как следствие, не дал надлежащей правовой оценки доводам М. о том, что общество расследование факта дорожно-транспортного происшествия 3 января 2019 г. не проводило, письменные объяснения для установления причины возникновения ущерба от М. не истребовало.

Вследствие неправильного применения норм права о материальной ответственности работника и разъяснений постановления Пленума Верховного Суда по их применению имеющие значение для правильного разрешения данного спора обстоятельства, касающиеся соблюдения обществом (работодателем) порядка привлечения бывшего работника М. к материальной ответственности, судом апелляционной инстанции не выяснялись и не устанавливались, доводы апелляционной жалобы М. о несоблюдении обществом положений статьи 247 ТК РФ отклонены судом апелляционной инстанции неправомерно.

Кроме того, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда указала на то, что и вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для снижения в порядке статьи 250 ТК РФ размера ущерба, подлежащего взысканию с М. в пользу общества, основан на неправильном толковании и применении норм права.

По смыслу статьи 250 ТК РФ и разъяснений по ее применению, содержащихся в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю», правила этой нормы о снижении размера

ущерба, подлежащего взысканию с работника, могут применяться судом при рассмотрении требований о взыскании с работника причиненного работодателю ущерба не только по заявлению работника, но и по инициативе суда. В случае, если такого заявления от работника не поступило, суду при рассмотрении дела с учетом части второй статьи 56 ГПК РФ необходимо вынести на обсуждение сторон вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, и для решения этого вопроса оценить обстоятельства, касающиеся степени и формы вины, материального и семейного положения работника, и другие конкретные обстоятельства.

Такая позиция приведена также в пункте 6 Обзора практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника (утвержден Президиумом Верховного Суда 5 декабря 2018 г.).

Однако судом апелляционной инстанции положения статьи 250 ТК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда и правовая позиция, изложенная в названном Обзоре, учтены не были, в результате чего вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, на обсуждение сторон не выносился и обстоятельства, связанные с личностью М., его материальным и семейным положением, при определении размера взыскиваемой с него суммы материального ущерба в пользу общества не устанавливались и правовой оценки суда не получили.

В связи с этим Судебная коллегия признала вывод суда апелляционной инстанции о взыскании с М. в пользу общества в возмещение ущерба 569 805 руб. не основанным на законе, сделанным с существенным нарушением норм материального и процессуального права, без определения и установления всех имеющих значение для дела обстоятельств.

С учетом изложенного Судебная коллегия отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 18-КГ23-55-К4

10. Если один из собственников жилого помещения, находящегося в общей собственности без определения долей, оплатил выставленный управляющей организацией единый платежный документ на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, эта обязанность считается исполненной собственниками солидарно в равных долях, если иное не предусмотрено соглашением между ними. В этом случае заявителю не может быть отказано в реализации права на получение меры социальной поддержки в виде субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг по причине отсутствия у него документа, подтверждающего размер вносимой каждым из собственников этого жилого помещения платы за жилое помещение и коммунальные услуги.

Г. и В. 23 июля 2021 г. обратились в суд с иском к государственному казенному учреждению г. Москвы «Городской центр жилищных субсидий»

(далее – центр жилищных субсидий) о признании незаконными отказов в предоставлении субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (далее также – субсидия) по заявлениям, об обязанности назначить субсидию, о возврате средств неоплаченных субсидий с момента прекращения выплат, взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований Г., 1951 года рождения, и В., 1953 года рождения (бывшие супруги), указывали, что они зарегистрированы и проживают в квартире, принадлежащей им на праве собственности без определения долей, они своевременно и в полном объеме оплачивают жилое помещение и коммунальные услуги, задолженность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг у них отсутствует, имеют право на получение субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, Г. является инвалидом.

Данная субсидия выплачивалась им с сентября 2012 г. по 1 марта 2018 г., затем выплата субсидии была прекращена.

Г. неоднократно обращался в своих интересах и как представитель В. по доверенности с заявлениями о предоставлении субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (24 ноября 2020 г., 15 февраля, 13 мая, 2 июня 2021 г.) с приложением всех необходимых документов в центр жилищных субсидий через многофункциональный центр предоставления государственных услуг города Москвы.

Заявления и документы к ним принимались к исполнению без замечаний, однако в предоставлении субсидии Г. и В. центром жилищных субсидий было отказано по различным причинам, а именно: наличие в представленных заявителем Г. документах противоречивых сведений, а также непредставление каждым из собственников (Г. и В.) документа, подтверждающего размер вносимой платы за жилое помещение.

Истцы полагали, что отказы центра жилищных субсидий в назначении им субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг являются незаконными, в связи с чем просили суд восстановить их конституционное право на социальное обеспечение.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований Г. и В. отказано. Суд первой инстанции исходил из того, что ответчиком (центром жилищных субсидий) правомерно отказано в предоставлении субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг по поданным Г. заявлениям, поскольку В. не является членом его семьи и обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг лежит как на Г., так и на В., а Г. не представил документ, подтверждающий размер вносимой каждым из них платы за жилое помещение и коммунальные услуги, необходимый в соответствии с требованиями подпункта «б» пункта 8 Правил предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2005 г. № 761 «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг»,

и нормативных правовых актов г. Москвы, регламентирующих предоставление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала состоявшиеся по делу судебные постановления основанными на неправильном толковании и применении норм права в связи со следующим.

Статьей 159 ЖК РФ предусмотрено предоставление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг.

В соответствии с частью 7 статьи 159 ЖК РФ порядок определения размера субсидий и порядок их предоставления, перечень прилагаемых к заявлению документов, условия приостановки и прекращения предоставления субсидий, а также особенности предоставления субсидий отдельным категориям граждан устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований истцов, суд первой инстанции привел лишь причины отказа, указанные центром жилищных субсидий (наличие в представленных заявителем документах противоречивых сведений, представление заявителем неполного комплекта документов), оставив без внимания нормативные положения, определяющие условия назначения субсидии, круг лиц, имеющих право на предоставление субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, и основания к отказу в предоставлении данной субсидии, а также социально-значимый характер спорных отношений и неприемлемость формального подхода уполномоченного органа при реализации гражданином права на меры социальной поддержки. В результате этого суд не исследовал и не оценил имеющиеся в деле доказательства, представленные истцами в обоснование исковых требований.

Между тем Г. приводил в обоснование исковых требований доводы о том, что в его заявлениях не содержалось противоречивых сведений, он излагал в них достоверную информацию о том, что с В. в браке не состоит, на жилое помещение управляющей организацией всегда выставлялся единый платежный документ на имя В., по данному платежному документу собственниками производилась оплата, задолженности по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги Г. и В. не имели, при обращении Г. в центр жилищных субсидий с заявлениями им был приложен названный платежный документ и чек, подтверждающий оплату за жилое помещение и коммунальные услуги, у Г. отсутствовала объективная возможность приложить к заявлениям иной платежный документ, подтверждающий размер вносимой каждым из собственников платы за жилое помещение и коммунальные услуги.

Названные доводы Г., обстоятельства, на которые он ссылался, и представленные им документы при рассмотрении данного дела не стали предметом исследования суда первой инстанции вопреки положениям статей 56, 67, 196, 198 ГПК РФ (о доказательствах и доказывании в гражданском процессе, о содержании решения суда), суд их не рассмотрел и не дал им какой-либо оценки.

В пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» разъяснено, что собственник, а также дееспособные и ограниченные судом в дееспособности члены его семьи, в том числе бывший член семьи, сохраняющий право пользования жилым помещением, исполняют солидарную обязанность по внесению платы за коммунальные услуги, если иное не предусмотрено соглашением (часть 3 статьи 31 и статья 153 ЖК РФ). При возникновении спора о взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг с собственника и членов его семьи, между которыми имеется соглашение, определяющее порядок и размер участия членов семьи в расходах по внесению платы за коммунальные услуги, такая задолженность определяется судом с учетом данного соглашения. Обязанность по внесению платы за содержание жилого помещения и взносов на капитальный ремонт несет только собственник жилого помещения (статьи 30, 158 ЖК РФ и статья 210 ГК РФ).

Применительно к спорным отношениям из изложенного во взаимосвязи с нормативными положениями пункта 1 статьи 253 («Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности»), статьи 325 ГК РФ («Исполнение солидарной обязанности одним из должников») следует, что в случае, если один из собственников жилого помещения, находящегося в общей собственности без определения долей, оплатил выставленный управляющей организацией единый платежный документ на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, эта обязанность считается исполненной собственниками солидарно в равных долях, если иное не предусмотрено соглашением между ними.

Оценивая законность действий центра жилищных субсидий по отказу в предоставлении субсидии Г. и В. по заявлениям от 2 июня 2021 г., суд первой инстанции приведенное выше правовое регулирование и разъяснения Пленума Верховного Суда с учетом жизненной ситуации Г. и В. не принял во внимание, в связи с чем не дал надлежащей оценки действиям центра жилищных субсидий по отказу в предоставлении Г. и В. субсидии, исходя из того, что у Г. при обращении с заявлениями о предоставлении субсидии 2 июня 2021 г. не имелось объективной возможности представить документы, подтверждающие размер вносимой каждым из собственников платы за жилое помещение и коммунальные услуги, поскольку оплата за жилое помещение и коммунальные услуги всегда производилась собственниками солидарно на

основании единого платежного документа, выставяемого управляющей организацией.

Ввиду приведенного вывод суда первой инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований Г. и В. является неправомерным, он сделан при неправильном применении норм материального права и с нарушением норм процессуального права, без установления юридически значимых обстоятельств по делу и без оценки в совокупности имеющихся в материалах дела доказательств, без надлежащей и полной оценки характера спорных отношений.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе Г. и В., вопреки требованиям статей 327¹, 329 ГПК РФ (о пределах рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции и о постановлении суда апелляционной инстанции) допущенные судом первой инстанции нарушения норм права не исправил.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения норм права не выявил и не устранил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ23-24-К2

11. Заработная плата, не полученная ко дню смерти работника и выплаченная работодателем в полном объеме одному из членов его семьи в порядке статьи 141 Трудового кодекса Российской Федерации в течение четырехмесячного срока со дня открытия наследства, может быть в соответствующей части взыскана с данного члена семьи другим членом семьи умершего или лицом, находившимся на иждивении умершего на день его смерти, в качестве неосновательного обогащения на основании статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации.

С., действующая в интересах своего несовершеннолетнего сына В., обратилась в суд с иском к Н. о взыскании в пользу несовершеннолетнего сына в качестве неосновательного обогащения денежных средств.

В обоснование требований истец указала, что 20 октября 2020 г. умер А., являвшийся отцом несовершеннолетнего В. После смерти А. его работодатель на основании статьи 141 ТК РФ выплатил неполученную А. ко дню смерти заработную плату его супруге Н., что подтверждается платежными поручениями от 12 и 19 ноября 2020 г.

Истец полагала, что у Н. не имелось законных оснований для получения всей суммы заработной платы умершего А., поскольку несовершеннолетний В. как член семьи А., так же как и Н., в соответствии со статьей 141 ТК РФ имеет право на получение заработной платы, не полученной ко дню смерти его отцом, в связи с чем просила суд взыскать с Н. в пользу несовершеннолетнего В. на основании статьи 1102 ГК РФ

в качестве неосновательного обогащения 1/2 от заработной платы умершего А., полученной Н. после смерти А.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции руководствовался положениями статьи 141 ТК РФ, статьи 1102 ГК РФ и пришел к выводу о том, что несовершеннолетний В. как член семьи своего отца А. имеет равное с его супругой право на получение причитающихся А. выплат по месту работы, в связи с чем взыскал с Н. в пользу несовершеннолетнего сына умершего денежную сумму в размере 1/2 от выплаченной ей работодателем А. денежной суммы, не полученной им ко дню его смерти.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, сославшись на то, что С. в установленный пунктом 2 статьи 1183 ГК РФ четырехмесячный срок со дня открытия наследства после смерти А. не обратилась к его работодателю с заявлением о выплате причитающихся ему, но не полученных им при жизни сумм заработной платы, при этом с таким заявлением в установленный названной нормой срок к работодателю обратилась его супруга Н., в пользу которой работодателем были произведены соответствующие выплаты, в связи с чем у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для удовлетворения иска о взыскании неосновательного обогащения, заявленного С. к Н. в интересах несовершеннолетнего сына.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судом апелляционной инстанции норм права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда не согласилась с выводами судов апелляционной и кассационной инстанций по изложенным ниже основаниям.

Пунктом 1 статьи 1102 ГК РФ предусмотрено, что лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 данного кодекса.

Правила, предусмотренные главой 60 ГК РФ, применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли (пункт 2 статьи 1102 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 1183 ГК РФ право на получение подлежавших выплате наследодателю, но не полученных им при жизни по какой-либо причине сумм заработной платы и приравненных к ней платежей, пенсий, стипендий, пособий по социальному страхованию, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов и иных денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, принадлежит проживавшим совместно с умершим членам его семьи, а также

его нетрудоспособным иждивенцам независимо от того, проживали они совместно с умершим или не проживали.

Требования о выплате сумм на основании пункта 1 статьи 1183 ГК РФ должны быть предъявлены обязанным лицам в течение четырех месяцев со дня открытия наследства (пункт 2 статьи 1183 ГК РФ).

При отсутствии лиц, имеющих на основании пункта 1 статьи 1183 ГК РФ право на получение сумм, не выплаченных наследодателю, или при непредъявлении этими лицами требований о выплате указанных сумм в установленный срок соответствующие суммы включаются в состав наследства и наследуются на общих основаниях, установленных данным кодексом (пункт 3 статьи 1183 ГК РФ).

В абзаце первом пункта 68 постановления Пленума Верховного Суда от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что подлежащие выплате наследодателю, но не полученные им при жизни денежные суммы, предоставленные ему в качестве средств к существованию, выплачиваются по правилам, предусмотренным пунктами 1 и 2 статьи 1183 ГК РФ, за исключением случаев, когда федеральными законами, иными нормативными правовыми актами установлены специальные условия и правила их выплаты (в частности, статьей 141 ТК РФ).

Согласно статье 141 ТК РФ «Выдача заработной платы, не полученной ко дню смерти работника» заработная плата, не полученная ко дню смерти работника, выдается членам его семьи или лицу, находившемуся на иждивении умершего на день его смерти. Выдача заработной платы производится не позднее недельного срока со дня подачи работодателю соответствующих документов.

Статьей 2 СК РФ к членам семьи отнесены супруги, родители, дети, усыновители и усыновленные.

Из приведенных положений статьи 1183 ГК РФ, статьи 141 ТК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда следует, что к числу денежных сумм, предоставленных наследодателю в качестве средств к существованию, закон относит заработную плату и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия по социальному страхованию. Требования о выплате сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию и не полученных им ко дню его смерти, должны быть предъявлены к обязанным лицам членами семьи умершего или лицами, находившимися на его иждивении, в течение четырех месяцев со дня открытия наследства, иначе такие суммы включаются в состав наследства. Вместе с тем, когда вопрос касается не полученной работником при жизни заработной платы, то ее выплата производится членам его семьи или лицу, находившемуся на иждивении умершего на день его смерти, по правилам статьи 141 ТК РФ. Данная гарантия установлена законом с целью незамедлительного восполнения членам семьи работника и его нетрудоспособным иждивенцам в случае смерти работника средств к существованию, получаемых при жизни работником и предназначенных

для обеспечения обычных повседневных потребностей самого работника и членов его семьи.

Суд апелляционной инстанции при разрешении данного спора приведенное правовое регулирование применил неправильно, не учитывая следующее.

С., обращаясь в интересах несовершеннолетнего В. в суд с исковыми требованиями к Н. о взыскании неосновательного обогащения, а также поддерживая эти требования в процессе судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций, последовательно указывала на то, что В., являясь в силу закона (статьи 2 СК РФ) членом семьи умершего А. (его сыном), так же как и Н. (супруга А.), относится к кругу лиц, указанных в статье 141 ТК РФ, имеющих право на выдачу заработной платы, не полученной ко дню смерти работника (а именно А.). Сумма этой заработной платы в состав наследства не вошла, поскольку была выплачена полностью работодателем А. его супруге Н., в связи с чем исковые требования С. о взыскании неосновательного обогащения (денежной суммы в размере 1/2 от выплаченной Н. работодателем А. заработной платы) в пользу несовершеннолетнего В. были заявлены ею не к работодателю умершего А., а к Н. (супруге А.) на основании статьи 1102 ГК РФ.

Судом апелляционной инстанции в нарушение пункта 5 части 2 статьи 329 ГПК РФ данным обстоятельствам, имеющим значение для дела, с учетом характера возникших между истцом и ответчиком правоотношений и подлежащих применению норм трудового и гражданского законодательства в качестве юридически значимых определены не были, правовая оценка названным обстоятельствам исходя из предмета заявленных С. в интересах несовершеннолетнего В. исковых требований и их обоснования не дана.

С учетом изложенного Судебная коллегия признала не соответствующим закону вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии у суда первой инстанции правовых оснований для удовлетворения иска, заявленного С. в интересах несовершеннолетнего В. (сына А.) к Н. о взыскании неосновательного обогащения, ввиду чего отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 46-КГ23-4-К6

Процессуальные вопросы

12. Заключение эксперта, полученное с нарушениями положений статей 55, 73, 74, 84 и 85 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, допущенными при назначении и проведении судебной экспертизы, не может быть положено в обоснование выводов суда.

Н. и К. обратились в суд с иском к обществу о нарушении исключительного права на полезную модель, ссылаясь на то, что ответчик внес в конструкцию производимого и реализуемого им изделия ряд существенных изменений, что привело к изготовлению продукции, в которой используется запатентованная истцами полезная модель с датой регистрации 6 февраля 2019 г.

Определением суда по делу назначена судебная патентоведческая экспертиза, проведение которой поручено экспертам центра патентных экспертиз и патентному поверенному Б.

Перед экспертами был поставлен вопрос, содержит ли продукция, производимая и реализуемая обществом, каждый признак полезной модели, приведенный в независимом пункте формулы полезной модели по патенту истцов.

Экспертом центра патентных экспертиз С. и патентным поверенным Б. в материалы дела представлены отдельные заключения, содержащие противоположные выводы.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции пришел к выводу о недоказанности нарушения ответчиком исключительного права истцов на полезную модель, сославшись на заключение эксперта С., содержащее выводы о том, что производимая и реализуемая обществом продукция не содержит каждый признак полезной модели, приведенный в независимом пункте формулы полезной модели по патенту истца.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции исходил из того, что специфика рассматриваемого спора предполагает необходимость технического обоснования выводов суда, тогда как эксперт С. не обладает техническим образованием, в связи с чем составленное ею заключение нельзя признать надлежащим доказательством. При этом экспертное заключение патентного поверенного Б., являющегося кандидатом технических наук и имеющего стаж работы в области патентной деятельности с 1985 года, обладает признаками объективности и технической обоснованности, отвечает требованиям относимости и допустимости.

Кассационный суд общей юрисдикции, указав, что экспертиза, проведение которой поручено экспертам центра патентных экспертиз и патентному поверенному Б., совместно не проводилась, в связи с чем суду надлежало поставить вопрос о проведении дополнительной или повторной экспертизы, отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При повторном рассмотрении дела судом апелляционной инстанции определением от 15 ноября 2021 г. назначена повторная судебная патентно-техническая экспертиза. Согласно заключению эксперта Ф. от 24 апреля 2022 г. производимая ответчиком продукция не содержит каждый признак полезной модели, приведенный в независимом пункте формулы полезной модели по патенту истца.

В судебном заседании истцами заявлено ходатайство о назначении повторной судебной экспертизы в связи с тем, что эксперт Ф. не обладает специальными познаниями, необходимыми для проведения такого рода судебных экспертиз, в удовлетворении которого было отказано.

Суд апелляционной инстанции, оценив заключение эксперта Ф. от 24 апреля 2022 г., указал, что оно составлено лицом, имеющим специальные познания в области интеллектуального права и имеющим соответствующую квалификацию, и, признав его обоснованным, оснований для отмены либо изменения решения суда первой инстанции не нашел.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с существенными нарушениями норм процессуального права, отменила их и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В силу части 1 статьи 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

На основании части 2 статьи 80 данного кодекса в определении суда также указывается, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается судом или руководителем судебно-экспертного учреждения, если экспертиза проводится специалистом этого учреждения, об ответственности, предусмотренной УК РФ.

Экспертиза проводится экспертами судебно-экспертных учреждений по поручению руководителей этих учреждений или иными экспертами, которым она поручена судом (часть 1 статьи 84 ГПК РФ).

Согласно положениям абзаца второго части 1 статьи 85 этого же кодекса в случае, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта либо материалы и документы непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения, эксперт обязан направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение.

При этом эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы; вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела; разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы, или сообщать кому-либо о результатах экспертизы, за исключением суда, ее назначившего (часть 2 статьи 85 ГПК РФ).

В обоснование иска Н. и К. указывали, что в 2019 году ответчик внес в конструкцию выпускаемого и реализуемого им изделия ряд существенных

изменений, что привело к изготовлению продукции, в которой используется запатентованная истцами полезная модель.

В ходе рассмотрения спора истцы поясняли, что к продукции, выпускаемой ответчиком по патенту на полезную модель с приоритетом от 25 октября 2011 г., претензий не имеют. Изделие, изготавливаемое ответчиком до конца 2018 года, не соответствовало прочностному критерию, определенному формулой полезной модели по патенту истцов. Кроме того, в описании полезной модели по патенту ответчика для сравнения технических решений в качестве ближайших аналогов приведена в том числе полезная модель по патенту истцов.

Ответчиком в материалы дела были представлены изменения в патент, внесенные 3 октября 2018 г., и технические условия, чертеж, на основании которых общество производит свою продукцию.

При таких обстоятельствах суду надлежало установить, используется ли в производимой и реализуемой ответчиком в настоящее время продукции каждый признак полезной модели, приведенный в независимом пункте формулы полезной модели по патенту истцов.

Для выяснения данного вопроса суду необходимо было назначить экспертизу и предоставить в распоряжение эксперта натурные образцы изделия, изготавливаемого ответчиком после внесения в него изменений.

Между тем суд апелляционной инстанции, назначив определением суда от 15 ноября 2021 г. по ходатайству представителя истцов повторную патентно-техническую экспертизу, проведение которой поручено экспертам другой судебно-экспертной организации, натурные образцы изделия, производимого ответчиком с 2019 года, в данную экспертную организацию не направил.

Кроме того, в заключении эксперта Ф. от 24 апреля 2022 г. и в приложенных к нему материалах отсутствуют какие-либо сведения о том, что руководитель экспертной организации поручал эксперту Ф. проведение данной экспертизы, а также то, что ввиду недостаточности представленных материалов для проведения исследований и дачи заключения сотруднику экспертной организации поручалось сообщить об этом суду, назначившему экспертизу, а также запросить необходимые для исследования натурные образцы изделий, производимых ответчиком. Также в материалах дела отсутствуют данные о том, что суд запрашивал у общества натурные образцы производимых им изделий.

Судебная коллегия указала, что при таких обстоятельствах заключение эксперта Ф. от 24 апреля 2022 г., как полученное с нарушением норм статей 55, 73, 74, 84 и 85 ГПК РФ, не могло быть положено в обоснование выводов суда апелляционной инстанции.

Определение № 4-КГ23-7-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения норм об исковой давности

13. По общему правилу течение срока исковой давности по требованию о возврате суммы предварительной оплаты по договору поставки исчисляется с момента нарушения поставщиком срока поставки товара.

Между покупателем и поставщиком заключен договор поставки рыбопродукции на условиях, определенных договором и приложениями, оформленными по каждой партии товара отдельно, являющимися неотъемлемой частью договора.

Условиями договора предусмотрена обязанность поставщика осуществить поставку продукции на указанных в договоре условиях в срок с 15 августа 2018 г. по 30 сентября 2018 г. одновременно или частями по согласованию с покупателем. При этом при несвоевременной передаче, отказе от передачи или неполной передаче продукции поставщик обязуется вернуть покупателю оплаченные им средства в пятидневный срок после истечения срока поставки с учетом процента в размере 30% годовых за период нахождения средств покупателя в распоряжении поставщика.

Платежным поручением в счет исполнения обязательств по договору покупатель перечислил поставщику денежные средства, при этом поставка продукции осуществлена на меньшую сумму, что подтверждается представленным в материалы дела УПД (счет-фактура).

Ссылаясь на неисполнение поставщиком обязательства по поставке продукции в полном объеме, покупатель направил поставщику претензию, в которой заявил отказ от исполнения договора, а также требование о возврате излишних денежных средств, перечисленных в качестве аванса.

Неисполнение поставщиком претензионных требований в добровольном порядке послужило основанием для обращения покупателя 20 марта 2022 г. в арбитражный суд с заявлением о взыскании неосновательного обогащения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены. При этом суды отклонили доводы поставщика о пропуске срока исковой давности, придя к выводу, что с момента реализации права требования на возврат суммы предварительной оплаты сторона, заявившая данное требование, считается утратившей интерес к дальнейшему исполнению условий договора, и с момента совершения указанных действий обязательство по передаче товара (неденежное обязательство) трансформируется в денежное обязательство. Соответственно, поскольку с момента реализации истцом права требования

возврата суммы предварительной оплаты за товар (пункт 3 статьи 487 ГК РФ) на стороне ответчика возникло денежное обязательство, а обязанность поставить товар отпала, то срок исковой давности по рассматриваемым требованиям о взыскании перечисленных денежных средств необходимо исчислять с указанного момента.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые судебные акты и отказала покупателю в удовлетворении заявленных требований в связи со следующим.

Из взаимосвязанных положений статьи 64, части 1 статьи 168 и части 1 статьи 266 АПК РФ следует, что обстоятельства, с наступлением которых связывается начало течения срока исковой давности, устанавливаются судами первой и апелляционной инстанций исходя из норм, регулирующих конкретные правоотношения между сторонами, а также из имеющихся в деле доказательств.

Кредитор в обязательстве с определенным сроком исполнения должен знать о том, что его право нарушено после окончания срока исполнения, если должник не предложит ему исполнение обязательства в этот срок. Соответственно, если право кредитора возникло из обязательства с определенным сроком исполнения (пункт 1 статьи 314 ГК РФ), то начало течения срока исковой давности устанавливается с даты нарушения срока исполнения обязательства.

Пунктом 3 статьи 487 ГК РФ определено, что в случае, когда продавец, получивший сумму предварительной оплаты, не исполняет обязанность по передаче товара в установленный срок (статья 457 ГК РФ), покупатель вправе потребовать передачи оплаченного товара или возврата суммы предварительной оплаты за товар, не переданный продавцом.

Таким образом, из приведенных норм следует, что при наличии определенного договором или спецификацией к нему срока поставки товара покупатель узнает или должен узнать о нарушении своего права и о лице, его нарушившем, именно с момента истечения срока поставки товара, следовательно, у него возникнет право выбора способа защиты: потребовать передачи оплаченного товара или возврата суммы предварительной оплаты за товар, не переданный продавцом.

Следовательно, применительно к купле-продаже течение срока исковой давности по требованиям о возврате суммы предварительной оплаты исчисляется с момента нарушения поставщиком срока поставки товара.

Исключение из этого правила могут составлять случаи, когда продавец признал допущенное им нарушение сроков исполнения обязательства и покупатель дал согласие на передачу товара с просрочкой (статья 203 ГК РФ), либо стороны изменили (продлили) срок передачи товара, что может быть установлено из условий заключенных между сторонами дополнительных соглашений, переписки сторон и т.п.

Соответственно, поскольку условиями договора поставки предусмотрено, что в случае неполной поставки продукции поставщик

возвращает оплаченные денежные средства в пятидневный срок после истечения срока поставки, срок исковой давности истек 5 октября 2021 г., а обращение истца 20 марта 2022 г. в арбитражный суд осуществлено за его пределами.

В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что согласно пункту 2 статьи 199 ГК РФ исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре, которая в силу положений статьи 56 ГПК РФ, статьи 65 АПК РФ несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих об истечении срока исковой давности.

Таким образом, поскольку поставщиком было заявлено о пропуске покупателем срока исковой давности, и судами не установлены обстоятельства, являющиеся основанием для перерыва течения срока исковой давности, у судов не было оснований для удовлетворения исковых требований.

Определение № 303-ЭС23-5216

Споры, возникающие из обязательственных отношений

14. Лизингополучатель имеет право на возмещение убытков, выразившихся в удорожании стоимости предмета лизинга, который не был передан лизингополучателю по вине лизинговой компании.

Между сторонами заключен договор лизинга, во исполнение которого лизингодатель у выбранного лизингополучателем продавца обязался приобрести предмет лизинга – транспортное средство. Предмет лизинга фактически не был передан лизингополучателю, так как лизингодатель не исполнил обязательство по оплате предмета лизинга в рамках договора купли-продажи в установленный срок.

Ссылаясь на то, что неисполнение лизингодателем обязательств по оплате предмета лизинга повлекло расторжение договора купли-продажи и невозможность исполнения договора лизинга, а также возникновение у лизингополучателя убытков в виде разницы в стоимости транспортного средства, лизингополучатель обратился в арбитражный суд с иском о взыскании соответствующей суммы убытков.

Арбитражный суд первой инстанции, принимая решение об удовлетворении иска в части расторжения договора и взыскания убытков в виде разницы стоимости транспортного средства, исходил из того, что лизингодатель допустил существенное нарушение условий договора лизинга, выразившееся в неисполнении обязательства по передаче лизингополучателю транспортного средства, и согласно новым расценкам автосалона стоимость транспортного средства, аналогичного предмету лизинга, увеличилась, и его приобретение или оформление в лизинг

предпринимателем по старой цене невозможно.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции исходил из того, что выбор продавца предмета лизинга осуществлен лизингополучателем самостоятельно, при этом возникновение обстоятельств, повлекших расторжение договора купли-продажи по соглашению сторон, привело к возникновению у лизингодателя права на расторжение договора лизинга во внесудебном одностороннем порядке, а реализация им такого права не является основанием для взыскания с него убытков.

Арбитражный суд округа оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, оставила решение суда первой инстанции в силе, указав следующее.

На основании пункта 2 статьи 668 ГК РФ в случае, когда имущество, являющееся предметом договора финансовой аренды, не передано арендатору в указанный в этом договоре срок, а если в договоре такой срок не указан, в разумный срок, арендатор вправе, если просрочка допущена по обстоятельствам, за которые отвечает арендодатель, потребовать расторжения договора и возмещения убытков.

Особенности взыскания убытков, вызванных ненадлежащим исполнением должником договора, повлекшим его прекращение по инициативе кредитора, урегулированы статьей 393¹ ГК РФ, имеющей цель восстановить имущественные интересы кредитора так, как если бы обязательство было исполнено должником надлежащим образом.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что по смыслу статьи 393¹, пунктов 1 и 2 статьи 405 ГК РФ, риски изменения цен на сопоставимые товары, работы или услуги возлагаются на сторону, неисполнение или ненадлежащее исполнение договора которой повлекло его досрочное прекращение, например, в результате расторжения договора в судебном порядке или одностороннего отказа другой стороны от исполнения обязательства.

В указанном случае убытки в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой возмещаются соответствующей стороной независимо от того, заключалась ли другой стороной взамен прекращенного договора аналогичная (замещающая) сделка. Если в отношении предусмотренного прекращенным договором исполнения имеется текущая цена на сопоставимые товары, работы или услуги, кредитор вправе потребовать от должника возмещения таких убытков и тогда, когда замещающая сделка им не заключалась (пункт 2 статьи 393¹ ГК РФ).

Текущей ценой признается цена, взимаемая в момент прекращения договора за сопоставимые товары, работы или услуги в месте, где должен был быть исполнен договор, а при отсутствии текущей цены в указанном месте – цена, которая применялась в другом месте и может служить разумной заменой с учетом транспортных и иных дополнительных расходов.

Из приведенных положений вытекает, что лизингополучатель имеет право на возмещение убытков, вызвавшихся в удорожании стоимости предмета лизинга, который не был передан лизингополучателю по обстоятельствам, зависящим от лизинговой компании.

Суд первой инстанции, установив, что счет по договору купли-продажи транспортного средства в предусмотренный договором срок лизингодателем не оплачен, договор купли-продажи впоследствии расторгнут по соглашению сторон, правомерно заключил, что уклонение лизингодателя от внесения оплаты по договору купли-продажи повлекло его расторжение, а также невозможность исполнения договора лизинга.

Выводы апелляционного и суда округа об обратном сделаны без учета отсутствия оплаты лизингодателем предмета лизинга.

При таком положении вывод суда первой инстанции о наличии оснований для возложения на лизингодателя обязанности по возмещению убытков лизингополучателя является правомерным.

Определение № 305-ЭС23-10419

15. Включение явно обременительных положений в договор, условия которого определены одной из сторон и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом, не допускается.

Общество (лизингополучатель) обратилось в арбитражный суд с иском к лизингодателю о взыскании денежных средств, уплаченных при исполнении договоров лизинга, полагая, что после расторжения договоров положительное сальдо встречных предоставлений сложилось в его пользу.

Суд первой инстанции пришел к выводу о наличии оснований для частичного удовлетворения иска общества. При этом суд исходил из того, что сторонами согласован особый порядок определения сальдо встречных предоставлений, отличающийся от общего подхода к определению завершающей договорной обязанности, закрепленного в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» (далее – Постановление № 17).

Как указано судом, на момент заключения договоров лизинга со стороны лизингополучателя возражений относительно установленного в Общих условиях договора лизинга (далее – Общие условия) порядка определения сальдо встречных предоставлений не поступало.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции и отклонили довод общества о неверном расчете сальдо встречных обязательств.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила судебные акты судов трех инстанций, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 ГК РФ, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора.

Участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно при установлении гражданских прав, в том числе при заключении договора и определении его условий, и не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения. В случае несоблюдения данного запрета суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (пункты 3–4 статьи 1, пункты 1–2 статьи 10 ГК РФ).

В частности, если условия договора определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом, то применительно к пунктам 1–2 статьи 428 ГК РФ договор не должен содержать условий, лишаящих эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключать или ограничивать ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержать другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Как указано в пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной.

Из приведенных положений гражданского законодательства и разъяснений Пленума вытекает, что в ситуации, когда сторона договора не имеет возможности активно и беспрепятственно участвовать в согласовании условий договора на стадии его заключения, суд не вправе отклонить возражения такой стороны относительно применения спорного условия договора только по той причине, что при заключении договора в отношении этого условия не были высказаны возражения.

Если спорное условие договора грубо нарушает баланс интересов сторон и его применение приводит к возникновению неблагоприятных

последствий для слабой стороны договора, а сторона, в интересах которой установлено спорное условие договора, не обосновала его разумность, суд в соответствии с пунктом 4 статьи 1, пунктом 2 статьи 10 ГК РФ в целях защиты прав слабой стороны разрешает спор без учета данного договорного условия, применяя соответствующие нормы законодательства.

Как следует из материалов дела, в соответствии с пунктом 5.9 Общих условий расчет сальдо встречных предоставлений определяется по формуле, согласно которой в состав требований лизингодателя помимо предоставленного финансирования и платы за финансирование включается общая сумма непогашенной задолженности лизингополучателя (задолженность по лизинговым платежам).

Общие условия представляют собой стандартную форму договора, к тому же разработанную компанией как лицом, профессионально осуществляющим деятельность в сфере лизинга, и применяемую ко всем контрагентам. Общество имело возможность лишь присоединиться к условиям договора в целом. Возможность влияния на формирование условий договора для лизингополучателя была ограничена.

Лизинговая компания, опираясь на пункт Общих условий, по сути потребовала от лизингополучателя внесения одного и того же предоставления дважды: возврата финансирования и внесения платы за пользование финансированием, начисленных до дня возврата финансирования (с даты начала договора лизинга до даты реализации предмета лизинга), а также задолженности по лизинговым платежам, в объем которой уже частично вошел как возврат финансирования, так и плата за пользование им за соответствующие периоды.

Таким образом, предусмотренный пунктом Общих условий принцип определения завершающей договорной обязанности (в части включения в расчет задолженности по лизинговым платежам) имеет характер несправедливого договорного условия, создающего искусственные основания для занижения величины встречного предоставления лизингополучателя.

Поскольку обществом приведены убедительные доводы относительно того, что Общие условия закрепляют порядок определения сальдо встречных предоставлений по договорам лизинга, который несправедливо обременяет лизингополучателя, однако указанные доводы не получили оценки со стороны судов, состоявшиеся по делу судебные акты не могут быть признаны законными.

Определение № 305-ЭС23-8962

Практика применения законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг

16. Изменение собственника участка линии, примыкающей к сетям владельца объектов электросетевого хозяйства, которые входят в

единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть, не освобождает организацию по управлению этой сетью от исполнения договора о порядке использования таких объектов.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании задолженности за оказанные услуги по передаче электрической энергии.

По условиям заключенного между сторонами договора компания обязалась заключать с третьими лицами от своего имени договоры оказания услуг по передаче электрической энергии с использованием объектов единой национальной (общероссийской) электрической сети (далее – ЕНЭС), принадлежащих обществу, и обеспечить возврат доходов, получаемых в результате использования этих объектов.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с пунктом 2 статьи 7 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон № 35-ФЗ) владельцы объектов электросетевого хозяйства, входящих в ЕНЭС, ограничены в осуществлении, в частности, права заключения договоров оказания услуг по передаче электрической энергии и определения условий таких договоров. Эти права осуществляются организацией по управлению ЕНЭС (пункт 1 статьи 8 Закона № 35-ФЗ).

В рассматриваемом случае такой организацией является ответчик.

В силу пункта 1 статьи 8 Закона № 35-ФЗ на него возложена обязанность по заключению договоров, определяющих порядок использования указанных объектов, с другими собственниками или иными законными владельцами объектов электросетевого хозяйства, входящих в ЕНЭС.

Заключение указанных договоров призвано обеспечить возврат собственникам или иным законным владельцам объектов электросетевого хозяйства, входящих в ЕНЭС, доходов, получаемых в результате осуществления их прав (определяемых как доход, который эти собственники или иные законные владельцы получили бы в случае самостоятельного осуществления своих прав путем оказания на возмездной договорной основе услуг по передаче электрической энергии) и уменьшенных на сумму текущих расходов на эксплуатацию указанных объектов (в случае, если их эксплуатация осуществляется организацией по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью) (абзац 2 пункта 3 статьи 8 Закона № 35-ФЗ).

Правоотношения сторон по данному спору не являются правоотношениями между сетевыми организациями и регулируются специальными положениями главы 3 Закона № 35-ФЗ и нормативными актами, принятыми во исполнение этих положений, в частности, Перечнем

существенных условий договоров о порядке использования организацией по управлению Единой национальной (общероссийской) электрической сетью объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих другим собственникам или иным законным владельцам и входящих в Единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. № 492.

В соответствии с Законом № 35-ФЗ и названным Перечнем между сторонами заключен договор, а заключение договоров оказания услуг по передаче электрической энергии по ЕНЭС согласно абзацу 3 пункта 1 статьи 9 Закона № 35-ФЗ отнесено к обязанности организации по управлению этой сетью – компании.

Обществу в целях реализации приведенных норм установлен тариф на услуги по передаче электрической энергии, используемый в расчетах с компанией при исполнении заключенного между ними договора.

В спорный период конечным потребителям, присоединенным к сетям территориальной сетевой организации ПАО (далее – ТСО), поставлена электроэнергия с использованием объектов ЕНЭС, принадлежащих истцу.

Более того, общество исправно исполняло обязанности, предусмотренные пунктом 3 статьи 7 Закона № 35-ФЗ, и понесло соответствующие расходы, включая оплату гарантирующему поставщику потерь электрической энергии в своих сетях.

Выводы судов о том, что в результате приобретения компанией у ПАО примыкающей к сетям истца линии, которая также относится к объектам ЕНЭС, не стало непосредственного присоединения потребителей и поэтому ответчику не с кем заключать за истца договоры на услуги по передаче электрической энергии, основаны на неправильном применении норм Закона № 35-ФЗ и Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861.

В данном случае к объектам ЕНЭС, принадлежащим истцу, непосредственно присоединены электрические сети ответчика, владельцем которой компания являлась до приобретения участка сетей ТСО; к сетям ответчика имеют непосредственное присоединение сети ПАО, к которым, в свою очередь, присоединены потребители.

Потребители и до, и после купли-продажи участка сетей оплачивают услуги по передаче электрической энергии ТСО, которая, в свою очередь, производит расчеты с компанией. Представители ответчика не отрицали факт получения платы по передаче электрической энергии от потребителей, вместе с тем дали противоречивые пояснения относительно заключения компанией договора оказания услуг по передаче электрической энергии с ТСО.

Таким образом, для истца как владельца объектов электросетевого хозяйства, входящих в ЕНЭС, изменение собственника участка сетей не

повлекло каких-либо изменений в правоотношениях с компанией; потребители как были, так и остались присоединенными к объектам истца через сети ЕНЭС, в том числе принадлежащим компании. Следовательно, в силу положений статей 309 и 310 ГК РФ основания для освобождения компании от исполнения обязательств перед истцом по договору отсутствовали.

Истец в силу закона не вправе прекратить переток электрической энергии по находящимся в его владении объектам (сетям), в то время как эти объекты продолжают использоваться компанией для целей, установленных Законом № 35-ФЗ. При этом вынесенные судебные акты, основанные на ошибочном применении норм действующего законодательства, привели к запрету на получение истцом не только дохода от деятельности по передаче электрической энергии через объекты электросетевого хозяйства ЕНЭС, но и на возмещение истцом расходов, которые он понес при осуществлении указанной деятельности.

Уклонение ответчика от информирования регулятора о величине потребляемой с использованием сетей истца мощности привело к невозможности установления ФАС России тарифа для общества и не соответствует критериям добросовестного поведения.

Вывод судов об отсутствии у ответчика статуса сетевой организации в отношении спорной линии не может являться основанием к отказу в удовлетворении исковых требований, поскольку бездействие самого ответчика не должно влечь для истца негативные последствия.

Определение № 305-ЭС22-28561

Практика применения законодательства о рекламе

17. Использование звукотехнического оборудования, расположенного за пределами конструктивных элементов зданий, строений, сооружений, но синхронизированное с ними посредством транслируемого видеоряда на светодиодном экране здания, подпадает под запрет на распространение звуковой рекламы, установленный частью 3² статьи 19 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».

Решением антимонопольного органа общество признано нарушившим положения части 3² статьи 19 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон № 38-ФЗ) в связи с распространением звуковой рекламы с использованием светодиодного экрана (изображение на экране и слышимость звука) на внешней стене здания кинотеатра.

На основании указанного решения обществу выдано предписание о прекращении нарушения законодательства о рекламе.

Не согласившись с вынесенными антимонопольным органом ненормативными актами, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании их незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования общества удовлетворены.

Рассматривая кассационную жалобу антимонопольного органа, Судебная коллегия Верховного Суда отметила следующее.

В силу положений части 3² статьи 19 Закона № 38-ФЗ (в редакции Федерального закона от 26 мая 2021 г. № 150-ФЗ) не допускается распространение звуковой рекламы с использованием звукотехнического оборудования, монтируемого и располагаемого на внешних стенах, крышах и иных конструктивных элементах зданий, строений, сооружений.

Внося соответствующие дополнения в статью 19 Закона № 38-ФЗ, законодатель исходил из защиты интересов граждан в целях снижения на них нежелательной информационной нагрузки в виде звуковой рекламы в общественных местах.

Введенный частью 3² статьи 19 Закона № 38-ФЗ запрет на распространение звуковой рекламы с использованием звукотехнического оборудования, монтируемого и располагаемого на внешних стенах, крышах и иных конструктивных элементах зданий, строений, сооружений, призван обеспечить тишину и покой граждан, создать благоприятную окружающую среду.

Следовательно, при применении и толковании рассматриваемых положений Закона № 38-ФЗ необходимо учитывать цель данного правового регулирования и принимать во внимание все обстоятельства, связанные с распространением рекламы, не ограничиваясь лишь установлением способа размещения звукопередающего устройства.

Вместе с тем синхронизация звука, воспроизводимого акустическими колонками, размещенными на ступеньках кинотеатра, и видеоряда, транслируемого на светодиодном экране здания кинотеатра, составляет единый информационный объект рекламирования, является законченным и взаимосвязанным объектом.

Одновременное визуальное и слуховое восприятие данных рекламных роликов на светодиодном экране здания кинотеатра потребителями привлекает их внимание к объектам рекламирования в виде звуковой рекламы, распространяемой единым звукотехническим оборудованием, монтированным на внешней стене здания, а трансляция рекламы со звуковым сопровождением с длительными временными интервалами создает звуковую нагрузку в общественных местах.

Таким образом, позиция судов о допустимости распространения звуковой рекламы посредством использования подключенных к компьютеру и светодиодному экрану колонок является ошибочной. То обстоятельство, что колонки были размещены на ступенях здания, а не на стене, крыше

здания, строения, сооружения, не влияет на вывод о недопустимости распространения звуковой рекламы вблизи указанных объектов.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые судебные акты и отказала обществу в удовлетворении его требований.

Определение № 302-ЭС23-11764

Практика применения законодательства о защите конкуренции

18. Проверка процедуры проведения торгов по отбору юридических лиц для предоставления им субсидий из бюджета публичного образования относится к компетенции антимонопольного органа.

Решением антимонопольного органа Департамент городского хозяйства субъекта Российской Федерации (далее – департамент) и общество-победитель конкурсного отбора на получение субсидий признаны нарушившими пункт 3 части 1 статьи 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ).

Основанием для принятия указанного решения послужили выявленные нарушения порядка проведения конкурса по отбору юридических лиц для предоставления субсидий из городского бюджета на финансирование капитального ремонта многоквартирных домов.

В частности, при наличии трех заявок только заявка общества была признана соответствующей требованиям конкурсной документации и допущена ко второму этапу. По результатам отбора принято решение о предоставлении обществу субсидии как получателю, подавшему единственную заявку, без начисления баллов, а также утвержден сформированный на основании данных, указанных в заявке общества, список многоквартирных домов, по которым решено выделить субсидию.

Не согласившись с вынесенным решением антимонопольного органа, департамент и общество обратились в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты и признал решение антимонопольного органа незаконным, придя к выводу, что отбор получателей субсидий не относится к процедурам, обязательность проведения которых установлена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования, поскольку

проведение отбора обусловлено необходимостью регламентирования бюджетных правоотношений, связанных с предоставлением субсидий.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда и постановление апелляционного суда на основании следующего.

В целях защиты конкуренции предусмотрены различные антимонопольные требования, в числе которых запрет, установленный пунктом 3 части 1 статьи 17 Закона № 135-ФЗ, совершать действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в том числе нарушают порядок определения победителя или победителей торгов, запроса котировок, запроса предложений.

Согласно разъяснениям, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда от 4 марта 2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», по смыслу взаимосвязанных положений части 1 статьи 1, частей 1 и 4 статьи 17, части 5 статьи 18 Закона № 135-ФЗ антимонопольный контроль допускается в отношении процедур, обязательность проведения которых прямо предусмотрена законом и введена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования, например конкурентных процедур определения поставщика в соответствии со статьей 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон №44-ФЗ).

В названном постановлении Пленума Верховный Суд разъяснил, что антимонопольный запрет создания дискриминационных условий распространяется на условия (порядок) предоставления субсидий хозяйствующим субъектам в соответствии с бюджетным законодательством (пункт 35); антимонопольный орган вправе в пределах антимонопольного контроля оценивать правомерность предоставления преференций, включая бюджетные субсидии (пункт 36).

То обстоятельство, что департаментом был организован отбор получателей субсидии на основании муниципального правового акта местной администрации само по себе не исключает возможность антимонопольного контроля соблюдения условий (порядка) предоставления субсидий, если этим актом или актом уполномоченных ею органов местного самоуправления предусмотрен такой отбор на конкурсной основе с определением соответствующего победителя как лица, с которым будет заключено соглашение о предоставлении субсидии, то есть отбор по правилам торгов.

Суд округа оставил без внимания особенность предоставления субсидии, согласно которой отбор получателей предусматривался на конкурентной основе и по своей правовой природе в конкретном случае являлся торгами в контексте антимонопольного законодательства,

независимо от названия данной процедуры. На первом этапе объявленного отбора подано три заявки, в том числе заявка от общества, что указывает на наличие конкуренции.

По сути, предусмотренный муниципальным правовым актом местной администрации отбор получателей субсидий сопоставим с правовым регулированием, установленным частью 4 статьи 24 Закона № 44-ФЗ, согласно которой победителем конкурса признается участник закупки, который предложил лучшие условия исполнения контракта, и заявка на участие в закупке которого соответствует требованиям, установленным в извещении об осуществлении закупки, документации о закупке.

Таким образом, при проведении конкурсного отбора лиц, имеющих право на получение субсидии из соответствующего бюджета, если определено, что такое право по итогам отбора будет приобретено конкретным участником из числа подавших заявки, предложившим наилучшие условия использования субсидии, должны соблюдаться требования и запреты, предусмотренные статьей 17 Закона № 135-ФЗ, а антимонопольный орган в этом случае вправе осуществлять контроль в отношении данной процедуры с учетом его функций и полномочий, предусмотренных статьей 22, пунктом 1 части 1 статьи 23 Закона № 135-ФЗ.

Следовательно, действия департамента при проведении отбора получателей субсидий могли быть оценены на предмет нарушения требований пункта 3 части 1 статьи 17 Закона № 135-ФЗ, а вывод суда округа о том, что процедура проведения отбора обусловлена только необходимостью регламентирования бюджетных правоотношений, связанных с предоставлением субсидий из местного бюджета, и не относится к сфере антимонопольного контроля, является ошибочным.

Определение № 304-ЭС23-3847

Практика применения законодательства о налогах и сборах

19. Невключение суммы акциза в стоимость реализуемого подакцизного товара влечет занижение действительной стоимости такого товара и, соответственно, занижение налогооблагаемой базы для исчисления налога на добавленную стоимость.

Общество, осуществляя деятельность по продаже готовых нефтепродуктов в розницу через сеть автозаправочных станций, производило дизельное топливо путем смешения дизельного топлива с безакцизным керосином технических марок и подакцизным авиационным керосином. При этом общество не исчисляло сумму акциза на объем готовой продукции, который до смешивания не облагался акцизом либо облагался по ставке ниже, чем ставка акциза на получаемое дизельное топливо.

По результатам проверки налоговый орган пришел к выводу, что реализованный обществом товар, полученный в результате смешения нескольких компонентов (разбавления подакцизной продукцией с меньшей ставкой акциза или безакцизной продукцией) до характеристик, позволяющих отнести его к дизельному топливу, является подакцизным, что влечет необходимость включения в его стоимость суммы акциза.

Не включив акциз в цену, налогоплательщик тем самым необоснованно занизил последнюю с целью получения необоснованной налоговой экономии для обеспечения преимущества на рынке. Неначисление акциза на полученное в результате смешивания дизельное топливо также привело к занижению суммы НДС, подлежащей уплате за отчетные периоды.

Налоговым органом принято решение об отказе в привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, обществу начислена недоимка по акцизу, сумма НДС, а также пени.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, требование общества удовлетворено.

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда.

Судебная коллегия Верховного Суда, рассматривая жалобу на постановление кассационного суда, отметила следующее.

Признание налоговой выгоды необоснованной предполагает доначисление суммы налогов, подлежащих уплате в бюджет так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, на основании соответствующих положений Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), регулирующих порядок исчисления и уплаты конкретного налога.

В соответствии с пунктом 1 статьи 154 НК РФ налоговая база при реализации налогоплательщиком товаров (работ, услуг), если иное не предусмотрено данной статьей, определяется как стоимость этих товаров (работ, услуг), исчисленная исходя из цен, определяемых в соответствии со статьей 105³ НК РФ, с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения в них налога.

Такой порядок исчисления и уплаты НДС не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость установления факта изменения стоимости товаров (работ, услуг) для целей исчисления и уплаты НДС, а также определения действительной стоимости их реализации. Это, в свою очередь, позволяет определить сумму НДС, подлежащую уплате по итогам каждого налогового периода, в размере, предусмотренном НК РФ (определение Конституционного Суда от 23 октября 2014 г. № 2320-О).

Вводя в главе 22 НК РФ такой налог, как акциз, правила его исчисления (статья 194), в том числе особенности механизма исчисления его

итоговой суммы, федеральный законодатель признал объектом налогообложения реализацию товара (статья 182), закрепил порядок определения налоговой базы при реализации (передаче) или получении подакцизных товаров (статья 187), а также предусмотрел право уменьшить сумму акциза по подакцизным товарам на налоговые вычеты – за отдельными исключениями (статья 200), установив тем самым все существенные элементы механизма уплаты акциза в зависимости от вида реализуемого товара.

В постановлении от 29 апреля 2020 г. № 22-П и определении от 13 марта 2018 г. № 592-О Конституционный Суд отметил, что акциз по своему экономико-правовому содержанию (сущности) призван, влияя на цену товара определенной категории, уменьшать доходность производства и реализации этого товара и тем самым становиться барьером для поступления его на рынок, а значит, и для его потребления. Соответственно, федеральный законодатель вправе установить такие особенности взимания акциза при продаже, которые при всей специфике и трудностях контроля за процессом реализации обуславливали бы обложение акцизом каждой новой поставки на рынок данного подакцизного товара.

Из совокупности приведенных положений законодательства и правовых позиций следует, что по подакцизным товарам (продукции) акцизы являются составной частью их стоимости (цены), исходя из которой предусмотрено определение налогооблагаемой базы по НДС.

При этом если акциз в отношении объема готовой продукции (товара) продавцом не исчислялся и не уплачивался, учитывая особенную природу акциза как элемента налоговой системы, а также, что объем прав и обязанностей налогоплательщика определяется исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции, следует признать правомерным определение действительной стоимости подакцизного товара посредством увеличения цены реализации на сумму акциза, подлежащего исчислению и уплате в бюджет.

Следовательно, по общему правилу изменение квалификации статуса товара (с неподакцизного на подакцизный) может служить основанием для того, чтобы определить права и обязанности плательщика НДС способом, согласующимся с действительно сложившимися экономическими условиями деятельности, как если бы налог изначально предъявлялся к уплате покупателю в рамках фактически сформированной цены, то есть с применением расчетной ставки налога к цене продажи товара.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда пришла к выводу о доказанности налоговым органом факта занижения обществом налоговой базы по НДС при реализации полученного в результате смешивания дизельного топлива (подакцизного товара) ввиду невключения в нарушение пункта 1 статьи 154 НК РФ в налоговую базу по НДС суммы акциза, начисленного по результатам выездной налоговой проверки.

На этом основании Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые судебные акты по эпизоду, связанному с доначислением обществу суммы НДС, и направила дело в этой части на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-4066

Практика применения таможенного законодательства

20. Таможенный орган не вправе направлять декларанту уведомление о необходимости уплаты таможенных платежей при отсутствии факта причинения потерь бюджету ввиду достаточности денежных средств, внесенных декларантом в качестве авансовых платежей.

Решением таможенного органа обществу доначислены таможенные платежи, обязанность по уплате которых исполнена обществом в добровольном порядке.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, указанное решение таможенного органа признано незаконным. Во исполнение указанного решения таможенный орган осуществил возврат обществу ранее уплаченной суммы таможенных платежей.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда и постановление апелляционного суда отменены, дело направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали обществу в удовлетворении его требований о признании решения таможенного органа незаконным.

В связи с вступлением в силу принятых при новом рассмотрении судебных актов задолженность общества перед бюджетом восстановлена в учете, таможенным органом в адрес декларанта направлено уведомление о неуплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, процентов и пеней.

Размер пеней рассчитан таможенным органом за период со дня, следующего за днем осуществления возврата денежных средств на единый лицевой счет участника ВЭД и до даты направления уведомления о неуплаченных таможенных платежах.

Полагая незаконным доначисление таможенным органом пеней, общество обратилось в суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования общества, обратив внимание на следующее.

Согласно пункту 5 части 1 статьи 4 Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» авансовые платежи в счет будущих таможенных платежей, поступившие на счета, открытые территориальным органам Федерального казначейства, предназначенные для учета поступлений и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации, в полном объеме подлежат зачислению в доход федерального бюджета.

Таким образом, авансовые платежи в счет будущих таможенных и иных платежей уплачиваются с присвоением им соответствующего кода бюджетной классификации и учитываются как отдельный вид доходов федерального бюджета с момента их поступления на счета Федерального казначейства.

То обстоятельство, что идентификация авансовых платежей применительно к исполнению обязанности по уплате тех или иных конкретных таможенных платежей производится после поступления соответствующего распоряжения об использовании авансовых платежей со стороны плательщика или по инициативе таможенного органа (статьи 35, 71 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – Закон № 289-ФЗ), не означает, что до момента распоряжения авансовыми платежами соответствующие денежные средства не находились в казне и не использовались государством при кассовом исполнении федерального бюджета.

В силу части 1 статьи 72 Закона № 289-ФЗ пенями признаются суммы денежных средств, которые плательщик обязан уплатить в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по уплате таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в сроки, установленные Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и актами в сфере таможенного регулирования и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» (далее – постановление Пленума № 49), при определении наличия оснований для применения таможенными органами статьи 72 Закона № 289-ФЗ и начисления пеней по определенным данной нормой правилам судам необходимо учитывать, что нахождение в федеральном бюджете авансовых платежей, излишне уплаченных или взысканных таможенных

платежей, превышающих по своему размеру величину произведенных декларанту доначислений, может свидетельствовать об отсутствии потерь бюджета, требующих компенсации посредством взимания пеней, если иное не следует из представленных таможенным органом доказательств, в том числе сведений таможенного органа об использовании (возврате) авансовых и таможенных платежей за соответствующие периоды начисления пеней, информации об иных причитавшихся к уплате таможенных платежей, относящихся к этому же периоду.

Определяющим обстоятельством для начисления пеней является факт причинения потерь бюджету, который может быть доказан таможенным органом с учетом обстоятельств расходования и распоряжения плательщиком авансовыми платежами, наличия иной непогашенной задолженности по таможенным платежам, относящейся к тому же периоду.

Ограничительное толкование судами пункта 8 части 19 статьи 72 Закона № 289-ФЗ, не учитывающее разъяснения постановления Пленума № 49 по применению указанной нормы, привело к нарушению единообразия при толковании арбитражными судами таможенного законодательства.

Материалами дела подтверждено и не оспаривается таможенным органом, что за период начисления пени на счете в Федеральном казначействе находились денежные средства общества в размере, превышающем величину указанной в уведомлении задолженности. Доказательства обратного таможенный орган не представил.

Таким образом, в отсутствие факта причинения потерь бюджету ввиду достаточности денежных средств, внесенных заявителем в качестве авансовых платежей, у таможенного органа не имелось оснований для вынесения уведомления о необходимости уплаты пеней в заявленном размере.

Определение № 306-ЭС23-3605

Процессуальные вопросы

21. Исчисление срока индексации присужденных судом денежных сумм при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации должно осуществляться начиная со дня поступления исполнительных документов на исполнение.

Решением арбитражного суда от 30 декабря 2019 г. с города Москвы в лице Комитета за счет казны города Москвы в пользу общества взысканы убытки. Взысканные решением суда денежные средства перечислены обществу после предъявления исполнительного листа 1 февраля 2021 г. (платежные поручения от 25 февраля 2021 г. и от 16 апреля 2021 г.)

В феврале 2022 года общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об индексации присужденных денежных средств в порядке статьи 183 АПК РФ за период с 31 декабря 2019 г. по 16 апреля 2021 г.,

поскольку решение суда первой инстанции в полном объеме исполнено только 16 апреля 2021 г.

Суд первой инстанции, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, руководствуясь статьей 183 АПК РФ, статьями 242¹, 242² Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ), правовой позицией, приведенной в пункте 7 Обзора судебной практики Верховного Суда № 3 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда 19 октября 2016 г. (далее – Обзор № 3), пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявления общества.

Апелляционный суд (с которым согласился суд округа), отменил определение суда первой инстанции, удовлетворил заявление общества и взыскал с города Москвы денежные средства за период с 31 декабря 2019 г. по 16 апреля 2021 г. в качестве индексации присужденной решением суда денежной суммы.

Суды апелляционной и кассационной инстанций заключили, что законодателем не выражена воля на особый порядок подхода к индексации присужденных денежных средств, взыскиваемых с должника – публично-правового образования за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а следовательно, индексация возможна без изъятий срока, установленного БК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда пришла к выводу о наличии оснований для отмены судебных актов, принятых по результатам рассмотрения заявления общества об индексации присужденных денежных средств, указав следующее.

Положения статьи 183 АПК РФ направлены на обеспечение реальной защиты прав взыскателя в условиях инфляции, когда с момента вынесения решения до момента его исполнения взысканные суммы обесцениваются.

В постановлении Конституционного Суда от 22 июня 2023 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242¹ и пункта 6 статьи 242² Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» (далее – Постановление № 34-П) указано, что порядок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации сам по себе не влечет неблагоприятных последствий для выигравшей судебный спор стороны и даже дает некоторые преимущества взыскателю, чьим должником выступает публично-правовое образование, перед взыскателями денежных средств с иных должников: освобождает от необходимости поиска счетов должника, его имущества и от принятия иных мер, а также исключает риски, связанные с ликвидацией должника (юридического лица) или с его банкротством.

Совершение уполномоченными органами действий по исполнению судебных актов в установленном законом порядке, в соответствии с принципами бюджетного регулирования, в пределах предусмотренных

сроков не может расцениваться как несвоевременное исполнение судебного акта, неправомерная задержка его исполнения.

Конституционный Суд отметил, что организационно-правовой механизм исполнения судебных актов по искам к публично-правовым образованиям призван обеспечивать реальную возможность для взыскателя в разумный срок (без неоправданных задержек) получить все причитающееся ему по судебному акту, а для публично-правового образования – определить оптимальные источники бюджетного покрытия возникших расходов и минимизировать возможные негативные последствия от перераспределения бюджетных ресурсов. Следовательно, процедура исполнения судебного акта в рамках как гражданского, так и арбитражного процесса, предусматривающая взыскание бюджетных средств с публично-правового образования, не может быть начата без непосредственного волеизъявления лица, в чью пользу взыскиваются денежные суммы, поскольку до момента поступления исполнительного документа на исполнение у должника – публично-правового образования отсутствуют основания для исполнения судебного акта в порядке, отличном от установленного бюджетным законодательством (в том числе в добровольном порядке).

Конституционный Суд признал положения статьи 183 АПК РФ, пунктов 1 и 2 статьи 242¹ и пункта 6 статьи 242² БК РФ в их взаимосвязи не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания порождает неоднозначное решение вопроса о дне, начиная с которого должен исчисляться срок индексации присужденных судом денежных сумм при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, и предписал федеральному законодателю незамедлительно принять меры по устранению неопределенности содержания указанных норм в их взаимосвязи.

До внесения федеральным законодателем в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из Постановления № 34-П, исчисление срока индексации присужденных судом денежных сумм при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации должно осуществляться начиная со дня поступления исполнительных документов, названных в статье 242¹ БК РФ, на исполнение.

В связи с изложенным принятые по данному делу определение суда первой инстанции, которым полностью отказано в индексации, постановления апелляции и суда округа, которыми присуждена индексация с даты принятия судебного акта о взыскании денежных средств за счет бюджета города Москвы, подлежат отмене, а дело – направлению в суд первой инстанции для нового рассмотрения заявления общества об индексации присужденных денежных средств с учетом приведенного постановления.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые по данному делу определение суда первой инстанции, которым полностью отказано в

индексации, постановления апелляции суда и суда округа, которыми присуждена индексация с даты принятия судебного акта о взыскании денежных средств за счет за счет бюджета города Москвы, и направила дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции.

Определение № 305-ЭС22-16399

22. Профессиональный статус арбитражного управляющего, обладающего юридическими знаниями и навыками, не лишает его права на пользование услугами представителей и на возмещение расходов на юридическую помощь.

Управление Росреестра по результатам рассмотрения жалоб нескольких лиц на действия арбитражного управляющего, осуществленные в период исполнения им обязанностей конкурсного управляющего должником, возбудило производство по делу об административном правонарушении по признакам правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), и назначило административное расследование.

Арбитражный управляющий заключил с юристом соглашение об оказании юридической помощи по этому делу.

Впоследствии Управление Росреестра прекратило дело в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Арбитражный управляющий оплатил юристу услуги, перечислив ему 235 000 руб.

Расходы на оплату указанных услуг арбитражный управляющий посчитал своими убытками, вызванными действиями лиц, обвинявших его в совершении административного правонарушения, в связи с чем обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании с заявителей жалоб фактически понесенных расходов, а также морального вреда в размере 15 000 руб.

Определением арбитражного суда первой инстанции требование удовлетворено.

Постановлением апелляции суда, оставленным без изменения судом округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований отказано с указанием на то, что действия ответчиков не носили противоправного характера, не установлено ни их вины в расходах арбитражного управляющего, ни причинно-следственной связи этих расходов с их действиями. Суды также указали, что правила компенсации морального вреда не применяются к защите деловой репутации индивидуальных предпринимателей.

Рассматривая кассационную жалобу, Судебная коллегия Верховного Суда указала следующее.

Для лица, привлекаемого к административной ответственности, в случае прекращения производства по делу об административном

правонарушении по реабилитирующим основаниям (в том числе ввиду отсутствия события или состава административного правонарушения) могут возникать негативные последствия, заключающиеся в несении им расходов на свою защиту. Такие расходы в силу статьи 24.7 КоАП РФ не относятся к издержкам по делу об административном правонарушении и не погашаются в порядке, установленном частью 3 указанной статьи.

В то же время эти расходы квалифицируются как вред, причиненный лицу, привлекавшемуся к административной ответственности (такая квалификация, в частности, дана расходам на оплату труда лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим (статья 1064 ГК РФ).

Из правовых позиций, изложенных Конституционным Судом в постановлении от 15 июля 2020 г. № 36-П (далее – постановление № 36-П), следует, что общим правилом возмещения расходов (издержек), возникших при судебном разрешении правовых конфликтов, является компенсация их стороне, в пользу которой принято решение, за счет другой стороны, кроме случаев, когда предусмотрены основания возмещения этих расходов (издержек) за счет бюджета. Возмещение судебных расходов обуславливается вынужденным характером затрат, понесенных лицом.

Данные правовые позиции в полной мере применимы к расходам, возникшим у привлекаемого к административной ответственности лица при рассмотрении дела об административном правонарушении, безотносительно к тому, понесены ли они лицом при рассмотрении дела судом или иным органом, и независимо от того, отнесены ли они формально к издержкам по делу об административном правонарушении в силу КоАП РФ.

В отсутствие в КоАП РФ специальных положений о возмещении расходов лицам, в отношении которых дела были прекращены по реабилитирующим основаниям, данный правовой пробел восполняют общие нормы ГК РФ о возмещении вреда, а потому они не могут применяться иным образом, чем это вытекает из устоявшегося в правовой системе существа отношений по поводу возмещения такого рода расходов.

Суд первой инстанции правомерно принял во внимание, что инициатором возбуждения дела о привлечении к административной ответственности явились указанные лица и, как следствие, именно с их действиями связаны убытки, понесенные арбитражным управляющим. При этом в данном случае расходы на юридическую помощь не подлежали компенсации за счет конкурсной массы должника.

Взыскание расходов, связанных с разрешением правового спора, не требовало установления ни противоправности действий со стороны лиц, инициировавших этот спор, ни их вины. Возмещение проигравшей стороной

правового спора расходов другой стороны не обусловлено установлением ее виновности в незаконном поведении – критерием наличия оснований для возмещения является итоговое решение, определяющее, в чью пользу данный спор разрешен. Данная правовая позиция также изложена Конституционным Судом в постановлении № 36-П.

Профессиональный статус арбитражного управляющего, как и профессиональный статус любого иного лица, обладающего юридическими знаниями и навыками, не лишает его права ни на пользование услугами представителей, ни на возмещение расходов на юридическую помощь.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, определение суда первой инстанции оставила в силе.

Определение № 305-ЭС19-22493(50)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

23. В случае если умысел на лишение потерпевшего жизни возник у виновных после причинения легкого вреда здоровью, содеянное ими надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 115 и 105 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Иркутского областного суда от 25 июня 2021 г. Ю. осужден в том числе по пункту «в» части 2 статьи 115, пунктам «ж», «к» части 2 статьи 105 УК РФ за причинение легкого вреда здоровью Т. с применением предмета, используемого в качестве оружия, и убийство потерпевшего группой лиц по предварительному сговору, с целью скрыть другое преступление.

Апелляционным определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2021 г. приговор в отношении Ю. оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Ю. просил приговор изменить, исключить его осуждение по части 2 статьи 115 УК РФ, ссылаясь на то, что судом не установлено действий, связанных с умышленным причинением легкого вреда здоровью, и на необоснованность квалификации его действий в отношении Т. по двум статьям уголовного закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 23 июня 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, кассационную жалобу – без удовлетворения, указав следующее.

Фактические обстоятельства совершенных Ю. преступлений в отношении потерпевшего Т. подтверждаются исследованными в судебном заседании доказательствами.

Как видно из приведенных в приговоре обстоятельств, Ю. из личных неприязненных отношений нанес Т. множество ударов руками и деревянным брусом по различным частям тела, в том числе по голове. К Ю. присоединилось другое лицо (освобождено от уголовной ответственности ввиду применения принудительных мер медицинского характера), которое также подвергло Т. избиению. Вследствие совместных действий Ю. и другого лица потерпевшему была причинена черепно-мозговая травма, повлекшая легкий вред здоровью по признаку его кратковременного расстройства.

Таким образом, Ю. осужден по пункту «в» части 2 статьи 115 УК РФ за совершение конкретных действий, повлекших причинение потерпевшему телесных повреждений – черепно-мозговой травмы. Его действия в этой части квалифицированы правильно, а доводы кассационной жалобы о том, что действия, подлежащие квалификации по статье 115 УК РФ, по делу не установлены, являются несостоятельными.

Кроме того, утверждения осужденного о том, что все его действия в отношении Т. должны быть квалифицированы по одной норме уголовного закона, не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, из которых видно, что, избивая потерпевшего в одном доме, осужденный не имел намерения причинить смерть. Позже Ю. с другим лицом перетащили Т. в другой дом и договорились убить его с целью скрыть избиение. Исполняя эту договоренность, Ю. душил потерпевшего, сдавливая его шею ремнем, а другое лицо нанесло потерпевшему удары ножом, причинив смерть.

Указанные действия образуют самостоятельное преступление и правильно квалифицированы судом первой инстанции по пунктам «ж», «к» части 2 статьи 105 УК РФ.

Определение № 66-УД22-7-А5

24. Характер действий лица, которое облило бензином потерпевшую и подожгло ее, свидетельствует об умысле на убийство.

По приговору Ярославского областного суда от 28 мая 2021 г. (с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции) З.А. признан виновным в убийстве, то есть умышленном причинении смерти другому человеку, совершенном с особой жестокостью, и осужден по пункту «д» части 2 статьи 105 УК РФ.

В кассационных жалобах адвокат К. и осужденный З.А. выражали несогласие с судебными решениями, оспаривали выводы суда о виновности осужденного, изложенные в приговоре, и правильность квалификации его действий, отрицали прямой умысел на убийство. Адвокат указывал, что судом необоснованно отвергнута версия о причастности к возгоранию самой погибшей З.Е., просил отменить обжалуемые судебные решения и

оправдать З.А. либо переквалифицировать действия осужденного на часть 4 статьи 111 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 28 апреля 2022 г. оставила обжалуемые судебные решения без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения по следующим основаниям.

Как следует из приговора, виновность осужденного З.А. в совершении инкриминируемого ему преступления, его умысел на причинение смерти потерпевшей подтверждаются доказательствами, исследованными в судебном заседании и подробно изложенными в приговоре.

Судом установлено, что в квартире, где произошло возгорание, находились только супруги З.А. и З.Е.

Из показаний свидетелей Е. следует, что они слышали звуки, которые свидетельствовали о конфликтной ситуации, жалобы З.Е. на применение З.А. в отношении ее насилия, а также угрозы со стороны осужденного, в том числе совершить поджог. Потерпевшая Г. также подтвердила, что З.А. проявлял агрессию по отношению к ее матери, избивал ее, угрожал поджечь дом.

Свидетели К. и М., являющиеся сотрудниками пожарной охраны, пояснили суду, что 20 ноября 2020 г. прибыли по вызову к месту пожара, где обнаружили З.А. в состоянии алкогольного опьянения и З.Е. в одном нижнем белье, все тело которой было обожжено. Очаг пожара находился на спинке дивана, расположенного в одной из комнат дома.

Свидетели П. и А. – сотрудники службы скорой помощи, показали, что приехали на место происшествия по вызову для оказания помощи З.Е., у которой были обнаружены ожоги туловища, конечностей, головы. В помещении пахло горюче-смазочными материалами. В машине З.Е. сообщила, что ранее осужденный высказывал угрозу поджечь ее, затем облил бензином и поджег.

Согласно выводам эксперта, проводившего судебно-медицинское исследование трупа З.Е., на ее теле обнаружены ожоги на площади 90% поверхности тела с преобладанием термических ожогов на голове, шее, туловище, верхних и нижних конечностях.

Из заключения эксперта, проводившего пожарно-техническую судебную экспертизу, следует, что очагом пожара в квартире могло быть место, расположенное на правой стороне дивана, где выявлены максимальные следы обгорания. При этом такой источник зажигания, как тлеющее табачное изделие, исключается.

Согласно отметке врача в карте вызова скорой медицинской помощи, со слов З.Е., она получила травмы в быту, а именно: сожитель облил ее бензином и поджег.

Исследованным в судебном заседании доказательствам суд дал надлежащую оценку в соответствии с требованиями статей 87 и 88 УПК РФ с точки зрения относимости и допустимости, а в совокупности признал их

достаточными для разрешения дела по существу. Правильность оценки доказательств сомнений не вызывает.

Оснований для оговора осужденного со стороны потерпевшей и свидетелей судом не установлено. Существенных противоречий в исследованных доказательствах, которые могли повлиять на выводы суда о виновности осужденного и квалификацию его действий, не содержится.

Правовая оценка содеянного З.А. соответствует установленным судом фактическим обстоятельствам уголовного дела и является верной. Оснований для переквалификации его действий не имеется.

Определение № 8-УД22-4-А1

Назначение наказания

25. В случае назначения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания за некоторые из преступлений, образующих совокупность, срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанности – после назначения окончательного наказания.

По приговору Чернышковского районного суда Волгоградской области от 25 марта 2021 г. И. (ранее судимый: 13 октября 2014 г. по пункту «в» части 2 статьи 158, части 1 статьи 161 УК РФ, на основании части 2 статьи 69 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года; 3 апреля 2015 г. по пункту «а» части 2 статьи 116, статье 319 УК РФ, на основании части 2 статьи 69 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года; 17 июня 2015 г. постановлением суда апелляционной инстанции приговор от 3 апреля 2015 г. изменен, на основании статьи 70 УК РФ по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по указанному приговору, частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 13 октября 2014 г. и назначено окончательное наказание 2 года 7 месяцев лишения свободы в воспитательной колонии, освобожден 16 января 2018 г. по отбытии срока наказания; 23 августа 2019 г. по пункту «г» части 2 статьи 161, части 1 статьи 222¹ УК РФ к 2 годам 8 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере 10 000 руб., освобожден 18 марта 2020 г. по отбытии срока наказания), осужден по части 1 статьи 166 УК РФ к 2 годам лишения свободы, по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ – к 3 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на 6 месяцев. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 4 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением ограничений: не покидать жилище с 22 до 6 часов, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального района, не менять место жительства или

пребывания, избранное им после освобождения от основного наказания, и место работы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в указанный орган 2 раза в месяц для регистрации. Указанные ограничения действуют в пределах того муниципального образования, где осужденный будет проживать после отбытия наказания.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 17 мая 2021 г. приговор изменен, из вводной части исключены указания на судимости И. по приговорам от 13 октября 2014 г. и от 3 апреля 2015 г.; наказание в виде лишения свободы смягчено: по части 1 статьи 166 УК РФ – до 1 года 11 месяцев, по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ – до 3 лет 5 месяцев с ограничением свободы на 6 месяцев; окончательное наказание, назначенное на основании части 3 статьи 69 УК РФ, смягчено до 3 лет 11 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением ограничений, предусмотренных статьей 53 УК РФ; зачтено в срок лишения свободы время содержания И. под стражей с 14 сентября 2020 г. до вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания в исправительной колонии строгого режима.

Кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2022 г. приговор и апелляционное определение изменены, исключено указание о назначении И. дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене кассационного определения и о передаче уголовного дела в отношении И. на новое кассационное рассмотрение на том основании, что суд кассационной инстанции, исключая из состоявшихся в отношении И. судебных решений дополнительное наказание в виде ограничения свободы, сослался на постановление Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и указал, что поскольку при назначении дополнительного наказания по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ суд не привел соответствующие конкретные ограничения и обязанности, а перечислил их лишь при назначении окончательного наказания по правилам части 3 статьи 69 УК РФ, то наказание в виде ограничения свободы подлежит исключению из приговора. Согласно же пункту 22 названного постановления Пленума Верховного Суда при назначении ограничения свободы в качестве основного или дополнительного наказания за каждое или некоторые из преступлений, образующих совокупность, срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанности – после назначения окончательного наказания, что также отражено и в пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда от 29 ноября 2016 г. № 55

«О судебном приговоре». Суд первой инстанции в приговоре указал вид и размер основного и дополнительного наказания, назначенного виновному за конкретное преступление (пункт «г» части 2 статьи 161 УК РФ), и при назначении дополнительного наказания осужденному мотивировал свое решение. Поскольку наказание И. назначено по совокупности преступлений, то ограничения и обязанности, предусмотренные статьей 53 УК РФ, суд правомерно указал после определения ему окончательного наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 4 августа 2022 г. отменила кассационное определение по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 53 УК РФ ограничение свободы как вид наказания заключается в установлении соответствующих ограничений и возложении на осужденного обязанностей. Ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в зависимости от категории преступления.

Согласно пункту 22 постановления Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при назначении ограничения свободы в качестве основного или дополнительного наказания за каждое или некоторые из преступлений, образующих совокупность, срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанность – после назначения окончательного наказания.

Соответствующие разъяснения содержатся и в пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

Указанные разъяснения полностью распространяются в том числе на случаи назначения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания за каждое или некоторые из преступлений, образующих совокупность.

По приговору от 25 марта 2021 г. И. осужден по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы с назначением дополнительного наказания в виде ограничения свободы на 6 месяцев, по части 1 статьи 166 УК РФ – к 2 годам лишения свободы; в соответствии с частью 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 4 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением ограничений: не покидать жилище с 22 до 6 часов, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального района, не менять место жительства или пребывания, избранное им после освобождения от основного наказания, и место работы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в указанный орган 2 раза в месяц для регистрации.

При этом, назначая И. дополнительное наказание в виде ограничения свободы, суд первой инстанции мотивировал свое решение тем, что он совершил преступление, предусмотренное пунктом «г» части 2 статьи 161 УК РФ, в течение непродолжительного времени после освобождения из мест лишения свободы, в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, суд первой инстанции, назначая наказание И. по совокупности преступлений, правомерно указал конкретные ограничения и обязанности, предусмотренные статьей 53 УК РФ, при определении ему окончательного наказания по совокупности преступлений.

Суд кассационной инстанции, исключая из судебных решений в отношении И. указание о назначении наказания в виде ограничения свободы, сослался на вышеуказанные постановления Пленума Верховного Суда, но при этом ошибочно их истолковал, в результате чего допустил нарушение требований уголовного закона.

Определение № 16-УДП22-11-К4

26. Суд может назначить лицам, указанным в пункте «а» части 1 статьи 58 Уголовного кодекса Российской Федерации, отбывание наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного с приведением мотивов принятого решения. При отсутствии таких обстоятельств отбывание наказания назначается в колонии-поселении.

По приговору Одинцовского городского суда Московской области от 28 сентября 2020 г. (с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений) Т., несудимый, осужден по пунктам «а», «б» части 2 статьи 264 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на 3 года.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г., вынесенным по кассационной жалобе представителя потерпевшей, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 8 декабря 2020 г. оставлено без изменения.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2022 г. кассационное производство по кассационной жалобе осужденного Т. на приговор и апелляционное определение прекращено.

В кассационной жалобе Т., выражая несогласие с состоявшимися в отношении его судебными решениями, утверждал, что назначенное наказание чрезмерно суровое, просил смягчить его и определить местом отбывания лишения свободы колонию-поселение.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы осужденного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 23 августа 2022 г. пришла к следующим выводам.

Наказание, назначенное осужденному Т., отвечает требованиям, установленным статьями 6 и 60 УК РФ, соответствует характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, влиянию наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В частности, судом учтено, что осужденный не состоит на учете у нарколога и психиатра, положительно характеризуется, работает, признал свою вину, раскаялся в содеянном, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, имеет на иждивении троих детей. Также судом принято во внимание то, что какие-либо обстоятельства, отягчающие в силу статьи 63 УК РФ наказание Т., по делу отсутствуют.

Назначение при таких обстоятельствах осужденному наказания в виде лишения свободы на срок 7 лет 6 месяцев за преступление, наказуемое согласно закону лишением свободы на срок от 5 до 12 лет, не может расцениваться как несправедливое и противоречащее нормам уголовного закона.

Вместе с тем принятые судами решения о наказании осужденного Т. в части определения вида и режима исправительного учреждения, в котором подлежит отбыванию назначенное ему наказание в виде лишения свободы, нуждаются в приведении в соответствие с действующим законом.

Исходя из положений пункта «а» части 1 статьи 58 УК РФ лицам, осужденным к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, независимо от тяжести преступления, отбывание наказания назначается в колонии-поселении. Вместе с тем с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительной – колонии общего режима. Принимая такое решение, суд должен привести убедительные мотивы в его обоснование со ссылкой, в частности, на степень тяжести преступления, обстоятельства его совершения, данные о личности осужденного, его возрасте, состоянии здоровья, об отношении к содеянному и иные обстоятельства.

Между тем, принимая решение об отбывании Т. наказания в исправительной колонии общего режима, суд лишь сослался на часть 1 статьи 58 УК РФ, не приведя никаких мотивов выбора именно такого решения.

Данный факт не получил надлежащей оценки и при рассмотрении уголовного дела судами апелляционной и кассационной инстанций.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор Одинцовского городского суда Московской области от 28 сентября 2020 г., апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 8 декабря

2020 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г. в отношении Т. изменила, определила ему местом отбывания наказания в виде лишения свободы колонию-поселение.

Определение № 4-УД22-44-К1

27. С учетом личности, поведения и других обстоятельств на осужденного может быть возложено исполнение как перечисленных в части 5 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, так и не указанных в ней обязанностей (за исключением тех, которые являются общеобязательными требованиями), если судом мотивировано соответствие этих обязанностей целям исправления условно осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

По приговору Краснодарского краевого суда от 14 февраля 2022 г. Ц., несудимый, осужден по части 1 статьи 283 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком на 1 год, с возложением следующих обязанностей: не совершать административных правонарушений, за которые возможно наложение административных взысканий, не нарушать общественный порядок, не менять мест постоянного жительства и работы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденных, и с лишением права занимать должности на государственной службе в правоохранительных органах, связанные с осуществлением функций государственной власти, сроком на 1 год.

В апелляционном порядке приговор оставлен без изменения.

Ц. признан виновным в разглашении сведений, составляющих государственную тайну.

В кассационной жалобе осужденный Ц. просил приговор и апелляционное определение отменить с прекращением дела и освобождением его от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 15 сентября 2022 г. изменила судебные решения, отметив следующее.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 61 постановления Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», суд вправе возложить на условно осужденного в течение испытательного срока исполнение как обязанностей, предусмотренных частью 5 статьи 73 УК РФ, так и других обязанностей, например обязанности не покидать место своего жительства в ночное время, обязанности в установленный судом срок загладить вред, причиненный преступлением. Подобные обязанности могут быть установлены для достижения целей

исправления условно осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

Некоторые из обязанностей, возложенных приговором суда на условно осужденного Ц., частью 5 статьи 73 УК РФ не предусмотрены, каким образом они могут служить достижению целей исправления условно осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений, в приговоре не указано.

Обязанность не совершать административные правонарушения является общеобязательным требованием. Она возложена на всех лиц, достигших соответствующего возраста, в силу закона, дополнительного указания о ее возложении на условно осужденного не требуется.

Кроме того, согласно пункту 11¹ постановления Пленума Верховного Суда от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» исходя из положений части 3 статьи 74 УК РФ и части 5 статьи 190 УИК РФ совершение условно осужденным в течение испытательного срока нарушений общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности, является самостоятельным основанием для возможной отмены условного осуждения.

Возлагая обязанность не совершать любое административное правонарушение, в том числе с неосторожной формой вины, суд фактически необоснованно расширил установленный уголовным законом перечень административных правонарушений, за совершение которых может быть отменено условное осуждение.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда определила: приговор и апелляционное определение в отношении Ц. изменить, исключить указание на возложение на осужденного обязанностей не совершать административных правонарушений, за которые возможно назначение административных наказаний, не нарушать общественный порядок.

Определение № 18-УД22-60сс-А3

28. Перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим. В качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать в том числе участие виновного в боевых действиях по защите Отечества.

По приговору Динского районного суда Краснодарского края от 28 августа 2019 г. З., несудимый, осужден по части 2 статьи 330 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, по пунктам «а», «в», «з» части 2 статьи 126 УК РФ к 6 годам 6 месяцам лишения свободы, на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено 8 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Этим же приговором осужден О.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 12 февраля 2020 г. приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2021 г. приговор и апелляционное определение в отношении З. изменены: зачтено в срок наказания время содержания под стражей с 12 февраля по 11 апреля 2018 г. и с 19 февраля 2019 г. по день вступления приговора в законную силу, а также время нахождения его под домашним арестом с 12 апреля 2018 г. по 18 февраля 2019 г. из расчета один день содержания под стражей и нахождения под домашним арестом за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима.

В кассационной жалобе адвокат Р. выражал несогласие с приговором и последующими судебными решениями, полагая в том числе, что при назначении наказания судом не в полной мере учтены данные о личности подзащитного, в частности, что он является ветераном боевых действий.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 7 июня 2022 г. приговор и последующие судебные решения изменила по следующим основаниям.

В силу положений части 3 статьи 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, личность виновного, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Обстоятельством, смягчающим наказание, суд признал наличие у З. несовершеннолетних детей.

Перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим. В соответствии с частью 2 статьи 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, могут учитываться и те, что не предусмотрены частью 1.

Как следует из материалов уголовного дела, суду первой инстанции была известна информация о том, что З. – ветеран боевых действий. В ходе апелляционного рассмотрения защитник осужденного заявил ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела копий документов, свидетельствующих об этом. Ходатайство было удовлетворено; копии документов, подтверждающих участие З. в выполнении задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике в период со 2 декабря 1994 г. по 19 апреля 1995 г., приобщены к материалам уголовного дела.

В силу частей 1, 3 статьи 3 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» к ветеранам боевых действий относятся в том числе военнослужащие, принимавшие участие в соответствии с решениями органов государственной власти Российской Федерации в боевых действиях на территории Российской Федерации. В перечень городов, территорий и

периодов ведения боевых действий включено выполнение задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике и на прилегающих к ней территориях, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, с декабря 1994 года по декабрь 1996 года.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда, изложенным в пункте 28 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать участие в боевых действиях по защите Отечества.

Несмотря на данные разъяснения, вышеприведенные положения закона не были приняты во внимание судами первой и апелляционной инстанций, а обстоятельства, свидетельствующие об участии З. в боевых действиях, не получили оценки применительно к положениям части 2 статьи 61 УК РФ.

Допущенное нарушение положений уголовного закона является существенным, влияющим на суть приговора, а именно на размер назначенного З. наказания, однако не было устранено судом кассационной инстанции.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор и последующие судебные решения в отношении З. изменила: смягчила назначенное ему наказание по части 2 статьи 330 УК РФ до 2 лет лишения свободы, по пунктам «а», «в», «з» части 2 статьи 126 УК РФ – до 6 лет лишения свободы; на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 330 и пунктами «а», «в», «з» части 2 статьи 126 УК РФ, З. назначено 6 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 18-УД22-11-К4

Процессуальные вопросы

29. Суд кассационной инстанции должен в установленном законом порядке рассмотреть ходатайство осужденного о его личном участии в судебном заседании, даже если такое ходатайство было заявлено лишь в дополнении к кассационной жалобе, и принять меры к реализации права осужденного на защиту.

По приговору Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 4 июня 2019 г. С., ранее не судимый, осужден по пункту «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ к 11 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Этим же приговором осуждены К., Ч.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 2 октября 2019 г. приговор в отношении С. оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июля 2020 г. приговор в отношении С. изменен: смягчено назначенное по пункту «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ наказание с применением статьи 64 УК РФ до 9 лет 6 месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе и дополнениях к ней осужденный С. указывал на существенные нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального закона, влекущие, по его мнению, отмену судебных решений. Обращал внимание на то, что в поданной в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции кассационной жалобе и дополнениях к ней он ходатайствовал о личном участии в судебном заседании, а также об участии адвоката Д., что судом кассационной инстанции было проигнорировано. Утверждал, что расписку, в которой указано на возможность рассмотрения дела без его участия, он не писал. Просил передать его кассационную жалобу для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 21 июля 2022 г. отменила кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями статей 16 и 47 УПК РФ обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое он может осуществлять лично либо с помощью защитника.

В силу разъяснений, изложенных в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», право обвиняемого лично осуществлять свою защиту, реализуемое посредством его участия в судебном разбирательстве, обеспечивается судом.

Из разъяснений, содержащихся в пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», усматривается, что по каждой жалобе или представлению, которые переданы на рассмотрение суда кассационной инстанции, должны быть выполнены требования части 2 статьи 401¹³ УПК РФ, согласно которой в судебном заседании принимают участие указанные в части 1 статьи 401² УПК РФ лица при условии заявления ими ходатайства об этом.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда от 25 сентября 2014 г. № 1924-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белевитина Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 401¹² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», нормы статьи 401¹² УПК РФ не содержат положений, допускающих произвольный, необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства

участника судебного заседания о его личном участии в рассмотрении дела, а также не препятствуют такому лицу в отстаивании его прав и законных интересов.

Эти требования закона нарушены судом кассационной инстанции по данному делу.

Из материалов дела следует, что 24 января 2020 г. осужденный С. в судебную коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции через Центральный районный суд г. Сочи подал кассационную жалобу на приговор от 4 июня 2019 г. и апелляционное определение от 2 октября 2019 г., в которой он просил суд кассационной инстанции рассмотреть жалобу с участием его и его адвоката по соглашению Д., которая 23 января 2020 г. подала самостоятельную жалобу.

Согласно расписке от 20 февраля 2020 г., поступившей в Центральный районный суд г. Сочи Краснодарского края, осужденный С. от участия в суде кассационной инстанции, а также от услуг адвоката отказался.

7 мая 2020 г. Центральный районный суд г. Сочи Краснодарского края направил уголовное дело с кассационными жалобами в судебную коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции с указанием на то, что осужденный С. изъявил желание присутствовать при рассмотрении кассационной жалобы посредством видео-конференц-связи.

29 мая 2020 г. судья Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, назначая судебное заседание по уголовному делу, отметил, что С. принимать участие в судебном заседании не желает, его явка была признана необязательной с назначением ему защитника в порядке статьи 51 УПК РФ.

В дальнейшем 9 июня и 4 июля 2020 г. осужденным С. в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции были поданы дополнения к кассационной жалобе, в которых содержалась просьба о его личном участии в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Однако из протокола судебного заседания суда кассационной инстанции от 27 июля 2020 г. следует, что оно было проведено в отсутствие осужденного С., его ходатайства о личном участии в судебном заседании в дополнениях к кассационной жалобе, поступивших в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции уже после составления им расписки от 20 февраля 2020 г., судебной коллегией оставлены без внимания.

Изложенное свидетельствует о том, что суд кассационной инстанции, не рассмотрев ходатайство осужденного, лишил С. права на личное участие в судебном заседании, не обеспечил ему возможность довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов рассматриваемого дела, чем нарушил право С. на защиту.

Определение № 18-УД22-20-К4

30. Суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся свидетелей, а также ссылаться в приговоре

на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц (часть 1 и пункт 3 части 2 статьи 281 и часть 2¹ статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

По приговору мирового судьи судебного участка Дмитровского района Орловской области от 19 августа 2020 г., оставленному без изменения апелляционным постановлением и определением суда кассационной инстанции, С. осуждена по части 1 статьи 159² УК РФ.

С. признана виновной в мошенничестве при получении выплат, то есть в хищении денежных средств при получении иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных сведений.

В кассационной жалобе и дополнении к ней осужденная С. выражала несогласие с состоявшимися по делу судебными решениями ввиду их незаконности, просила об их отмене. В числе прочего С. утверждала, что в основу приговора были положены оглашенные по ходатайству государственного обвинителя показания свидетелей, которые не допрашивались в судебном заседании С. и сторона защиты были лишены возможности задать им вопросы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 3 марта 2022 г. отменила приговор, апелляционное постановление и определение кассационного суда общей юрисдикции в отношении С. и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение в связи со следующим.

В соответствии с частью 1 статьи 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X УПК РФ. Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств.

В силу части 1 статьи 281 УПК РФ оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов допускаются с согласия сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 6 статьи 281 УПК РФ.

В соответствии с подпунктом «е» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели

были допрошены, а также имеет право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

С учетом этих положений и в силу части 2¹ статьи 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения).

Указанные требования закона мировым судьей при рассмотрении уголовного дела в отношении С. в полной мере не были соблюдены.

Из приговора усматривается, что в обоснование вывода о виновности С. в совершении данного преступления мировой судья сослался на показания представителя потерпевшего – Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в Кромском районе Орловской области – К., согласно которым на основании заявления С. и приложенных ею документов, в том числе копии паспорта с пропиской в зоне Чернобыльской АЭС, С. была назначена выплата за проживание на территории зоны с льготным социально-экономическим статусом; письменные материалы о производстве ежемесячных денежных выплат С. и ее детям за проживание на загрязненной территории вследствие аварии на Чернобыльской АЭС; протоколы осмотра выплатных дел; вещественное доказательство – CD-диск, содержащий файлы с информацией о перечислении на принадлежащие С. и ее детям банковские счета денежных средств от Управления Федерального казначейства по Орловской области и списании денежных средств С. и ее супругом; показания свидетеля З., а также на оглашенные в судебном заседании по ходатайству государственного обвинителя в порядке, предусмотренном пунктом 5 части 2 статьи 281 УПК РФ, показания свидетелей Ж., С.Т., М., С.Ю., Л., Т. и С.М.

Оценив показания свидетеля З., а также оглашенные в судебном заседании показания свидетелей Ж., С.Ю., М., Л., С.В., Т. и С.М., проживающих в г. Орле, суд пришел к выводу о том, что показаниями указанных свидетелей подтверждается факт постоянного проживания С. и ее детей в г. Орле в период с 2011 по 2019 год, то есть обстоятельство, имеющее наряду с другими обстоятельствами юридическое значение для вывода о наличии в действиях С. состава инкриминируемого ей преступления.

Между тем согласно приведенным в приговоре показаниям З. с С. она знакома лишь с 2017 года, у нее была информация о том, что С. с детьми проживает в г. Орле, но дома у нее она не была.

Изложив в приговоре показания допрошенных в судебном заседании свидетелей К., М.Э., М.Р., Б.Н. и Б.И., проживающих в г. Дмитровске по

соседству, суд отметил, что оценивает эти показания в совокупности с показаниями свидетеля З. и приходит к выводу о том, что названными доказательствами подтверждаются обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии факта постоянного проживания С. по месту своей регистрации в г. Дмитровске, однако показания этих лиц, изложенные в протоколе судебного заседания и приведенные в приговоре, не содержат сведений о том, что С. не проживала на территории г. Дмитровска.

Приняв по ходатайству государственного обвинителя, вопреки мнению подсудимой С. и ее защитника, настаивавших на необходимости вызова и допроса свидетелей в судебном заседании, обусловленной наличием к ним ряда вопросов, решение об оглашении показаний свидетелей Ж., С.Ю., М., Л., С.В., Т. и С.М. на основании пункта 5 части 2 статьи 281 УПК РФ в связи с невозможностью их явки в судебное заседание, неустановлением места их нахождения, и положив показания этих свидетелей в обоснование приговора в качестве доказательств виновности С., суд не учел, что в предыдущих стадиях производства по делу С., не согласной с показаниями указанных лиц, также не была предоставлена возможность оспорить эти показания предусмотренными законом способами (в том числе в ходе очных ставок со свидетелями задать им вопросы, высказать свои возражения).

Поскольку показания свидетелей Ж., С.Ю., М., Л., С.В., Т. и С.М., правомерность оглашения которых вызывает сомнения, были положены в основу приговора и повлияли на выводы суда, то состоявшиеся судебные решения в отношении С. нельзя признать законными.

Определение № 37-УД22-1-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

31. Нормативный правовой акт органа местного самоуправления признан не действующим со дня его принятия в связи с тем, что регулирование вопроса исчисления размера ущерба, причиненного окружающей среде, в том числе зеленым насаждениям в границах муниципального образования, специальным отраслевым законодательством не отнесено к полномочиям органов местного самоуправления.

Постановлением Администрации города утвержден Порядок расчета восстановительной стоимости зеленых насаждений, снесенных на территории города (далее – Порядок), определяющий механизм формирования восстановительной стоимости зеленых насаждений (деревья, кустарники), снесенных на территории города.

Раздел II Порядка содержит, в частности, формулу расчета восстановительной стоимости, включающую в себя сметную стоимость

посадки одного саженца дерева, а также коэффициенты, учитывающие ценность древесной породы, диаметр ствола дерева, территории со сложными условиями произрастания зеленых насаждений, земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, и земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена.

Расчет восстановительной стоимости зеленых насаждений, снесенных без получения в установленном порядке разрешительных документов, согласно разделу VI Порядка осуществляется по формуле с дополнительным умножением на коэффициент 5.

Ш. обратился в суд с административным иском о признании не действующим с момента принятия раздела VI Порядка. Ссылаясь на положения Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды), считал, что названный муниципальный нормативный правовой акт принят в отсутствие полномочий органа местного самоуправления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного иска отказано.

При этом суды исходили из того, что Порядок утвержден в пределах предоставленной Администрации компетенции с соблюдением установленных требований к его принятию и опубликованию; оспариваемая норма не противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Проверяя полномочия административного ответчика, суды, проанализировав положения пунктов 11, 25 части 1 статьи 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) об отнесении к вопросам местного значения организации мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа и утверждения правил благоустройства территории городского округа, устанавливающих в том числе организацию озеленения, нормы Закона об охране окружающей среды, положения Правил благоустройства территории города, утвержденных решением городской Думы, согласно которым порядок определения размера восстановительной стоимости зеленых насаждений устанавливается администрацией города, сделали заключение о несостоятельности утверждения административного истца об отсутствии у Администрации полномочия на принятие Порядка.

Суды, делая вывод о соответствии оспариваемой нормы правовым актам, имеющим большую юридическую силу, указали, что действующим федеральным законодательством также предусмотрено правовое регулирование с применением повышающих коэффициентов при расчете восстановительной стоимости зеленых насаждений, снесенных без получения в установленном порядке разрешительных документов, ссылаясь на постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря

2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства».

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда состоявшаяся по делу судебные акты отменила по следующим основаниям.

Согласно положениям пунктов «в», «д», «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, земельного, водного, лесного законодательства, законодательства о недрах, об охране окружающей среды находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В соответствии с частью 4 статьи 7 Закона № 131-ФЗ по вопросам местного значения органами местного самоуправления принимаются муниципальные правовые акты, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, названному закону, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа относится к вопросам местного значения городского округа (пункт 11 части 1 статьи 16 Закона № 131-ФЗ, пункт 2 статьи 7 Закона об охране окружающей среды).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда, изложенной в постановлении от 29 марта 2011 г. № 2-П по результатам проверки конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Закона № 131-ФЗ, содержание термина «организация», используемого в названном законе при определении вопросов местного значения, должно раскрываться с учетом специального отраслевого законодательного регулирования; в противном случае допускалась бы в том числе возможность выхода самих муниципальных образований за пределы своей компетенции и тем самым вмешательства в вопросы, относящиеся к предметам ведения и полномочиям иных публично-правовых образований.

Закрепляя в главе II Закона об охране окружающей среды основы управления в области охраны окружающей среды, федеральный законодатель, в частности, определил полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в названной сфере.

Утверждение правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду, осуществления контроля за правильностью ее исчисления, полнотой и своевременностью ее внесения

и определения ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду и коэффициентов к ним отнесены федеральным законодателем к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды (абзац семнадцатый статьи 5 Закона об охране окружающей среды).

Полномочия осуществлять правовое регулирование вопросов ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды органам местного самоуправления не предоставлены.

Отношения в названной сфере урегулированы главой XIV Закона об охране окружающей среды, устанавливающей виды такой ответственности (статья 75), судебный порядок разрешения споров (статья 76), обязанность полного возмещения вреда окружающей среде (статья 77), порядок компенсации вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды (статья 78).

Из анализа положений статей 77 и 78 указанного закона следует, что вред окружающей среде возмещается в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды.

При их отсутствии – исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды (пункт 3 статьи 77 и абзац второй пункта 1 статьи 78 соответственно).

Компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда или арбитражного суда, на основании которого такой вред может быть возмещен посредством возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ (абзац первый пункта 1 и пункт 2 статьи 78 Закона об охране окружающей среды).

Верховный Суд в пункте 14 постановления Пленума от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» обратил внимание судов, что приведенные законоположения равным образом подлежат применению при расчете размера вреда, причиненного окружающей среде гражданами.

Более того, в законодательство в области охраны окружающей среды, состоящее из Закона об охране окружающей среды, других федеральных законов, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, федеральным законодателем муниципальные нормативные акты не включены (пункт 1 статьи 2 Закона об охране окружающей среды).

Таким образом, нормативное регулирование вопроса исчисления размера ущерба, причиненного окружающей среде, в том числе зеленым насаждениям в границах муниципального образования, специальным отраслевым законодательством к полномочиям органов местного самоуправления не отнесено.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда состоявшиеся по делу судебные акты отменила, приняла новое решение, которым признала не действующим со дня принятия раздел VI Порядка расчета восстановительной стоимости зеленых насаждений, снесенных на территории города.

Определение № 44-КАД23-12-К7

32. В случае государственной регистрации перехода права на земельную долю вследствие ее продажи в том числе на торгах одновременно с документами, представляемыми на государственную регистрацию права, дополнительно представляется документ, удостоверяющий право покупателя на земельную долю в составе того же земельного участка, что и приобретаемая земельная доля, или документ, подтверждающий право покупателя земельной доли на использование земельного участка, в составе которого имеется приобретаемая земельная доля.

М. обратился в Управление Росреестра по области с заявлениями об осуществлении государственной регистрации права на 2/108 доли в праве собственности на земельный участок (категория земель: земли сельскохозяйственного назначения, вид разрешенного использования: для сельскохозяйственного производства) и на 1/8 доли в праве собственности на земельный участок (категория земель: земли сельскохозяйственного назначения, вид разрешенного использования: для сельскохозяйственного производства).

Управлением Росреестра по области осуществление государственной регистрации права было приостановлено и предложено в дополнение к приложенным к заявлению документам представить документы, подтверждающие, что покупатель земельных долей является участником общей долевой собственности на данные земельные участки, поскольку оборот земельных долей регулируется специальными нормами статей 12–14 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее также – Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения), которые предусматривают возможность реализации земельных долей без выделения земельного участка только другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности.

Считая данные уведомления незаконными, М. обратился в суд с административным иском заявлением.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено и на Управление Росреестра по области возложена обязанность осуществить государственную регистрацию права долевой собственности на указанные земельные участки на основании заявлений участников договоров купли-продажи земельных участков и приложенных к ним документов.

Судом апелляционной инстанции решение оставлено без изменения в части признания незаконными уведомлений. В части возложения на Управление Росреестра по области обязанности осуществить государственную регистрацию права долевой собственности на указанные земельные участки решение суда отменено, принято новое решение об отказе в удовлетворении требований в этой части.

Суд кассационной инстанции судебное решение в неотмененной части и апелляционное определение оставил без изменения.

Признавая уведомления незаконными, суды исходили из того, что подлежат применению нормы Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку данный федеральный закон в рамках реализации имущества гражданина, признанного несостоятельным (банкротом), не устанавливает ограничений относительно продажи имущества должника, находящегося в общей собственности; такое имущество реализуется исключительно на торгах в целях продажи имущества должника по наиболее высокой цене и, таким образом, максимального удовлетворения требований кредиторов.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда вынесенные по делу судебные акты отменила по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 2 статьи 129 ГК РФ законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности могут быть предусмотрены виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению.

Согласно абзацу второму пункта 4 статьи 110 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» продажа предприятия осуществляется путем проведения открытых торгов, за исключением случая наличия в составе предприятия имущества, относящегося в соответствии с законодательством Российской Федерации к ограниченно оборотоспособному имуществу. В этом случае продажа предприятия осуществляется путем проведения закрытых торгов, в которых принимают участие только лица, которые в соответствии с федеральным законом могут иметь в собственности или на ином вещном праве имущество, относящееся к ограниченно оборотоспособному имуществу.

Особенности государственной регистрации прав на земельную долю, земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения установлены в статье 47 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о государственной регистрации).

Так, согласно части 2 статьи 47 этого закона в случае государственной регистрации перехода права на земельную долю вследствие ее продажи одновременно с документами, представляемыми на государственную регистрацию прав, дополнительно представляются документы, подтверждающие возможность продажи земельной доли и указанные в части 3 данной статьи. Представление этих документов не требуется, если право общей долевой собственности на данный земельный участок лица, приобретающего право на земельную долю в составе данного земельного участка, зарегистрировано в порядке, установленном поименованным федеральным законом.

Названные требования Закона о государственной регистрации направлены на реализацию Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения и соблюдение прав иных участников долевой собственности земельного участка сельскохозяйственного назначения.

В частности, пункт 1 статьи 12 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения предусматривает, что к сделкам, совершаемым с долями в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения, применяются правила ГК РФ. В случае, если число участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения превышает пять, правила ГК РФ применяются с учетом особенностей, установленных этой статьей, а также статьями 13 и 14 названного закона.

Исходя из норм пункта 1 статьи 12, пункта 1 статьи 13 и пункта 1 статьи 14 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения без выделения земельного участка в счет земельной доли такой участник долевой собственности по своему усмотрению вправе продать ее другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности. Участник долевой собственности вправе распорядиться земельной долей по своему усмотрению иным образом только после выделения земельного участка в счет земельной доли в порядке, установленном статьями 13 и 14 названного закона.

Как установлено судом, число участников долевой собственности на указанные земельные участки превышает пять, документы, подтверждающие, что М. является участником долевой собственности на земельные участки либо их арендатором, то есть лицом, имеющим право на приобретение земельных долей, на государственную регистрацию прав, не представлены. Следовательно, при проведении правовой экспертизы

государственный регистратор прав пришел к правомерному выводу о наличии причин, препятствующих осуществлению государственной регистрации.

Каких-либо сведений о совершении финансовым управляющим соответствующих действий в рамках реализации имущества должника – физического лица до выставления на открытые торги земельной доли не представлено.

С учетом изложенного уведомления Управления Росреестра по области о приостановлении государственной регистрации права собственности на земельные участки соответствуют пункту 5 части 1 статьи 26 Закона о государственной регистрации.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда вынесенные по делу судебные акты отменила и в удовлетворении административного искового заявления М. отказала.

Определение № 46-КАД23-10-К6

33. Постановление об отказе в прекращении исполнительного производства признано незаконным, поскольку при его принятии судебным приставом-исполнителем не было учтено, что обеспеченное ипотекой обязательство прекращается, когда залогодержатель оставляет за собой предмет ипотеки, которым является принадлежащее залогодателю жилое помещение.

Решением суда, вступившим в законную силу, в пользу банка с К. и А. солидарно взыскана задолженность по кредитному договору в общем размере 4 952 115,07 руб.; постановлено обратить взыскание на заложенное имущество (жилой дом и земельный участок) путем продажи с публичных торгов с установлением начальной продажной стоимости в размере 5 260 000 руб.

На основании данного судебного акта судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство; арестованное имущество (вышеуказанные дом и земельный участок) передано для реализации на торгах, которые были признаны несостоявшимися. После снижения цены на 15% проведены повторные торги, также признанные несостоявшимися. В мае 2021 г. не реализованное в принудительном порядке имущество стоимостью 3 945 000 руб. передано взыскателю.

В марте 2022 г. должники обратились с заявлением об окончании исполнительного производства, которое постановлением судебного пристава-исполнителя оставлено без удовлетворения.

Не согласившись с данным постановлением, К. и А. обратились в суд с административным иском о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного искового заявления отказано, отказ судебного пристава-

исполнителя в прекращении исполнительного производства признан обоснованным.

Суды исходили из того, что, поскольку залогодателями договоры страхования ответственности заемщиков и (или) страхования финансового риска кредитора по договору ипотеки не заключались, у судебного пристава-исполнителя исходя из положений пункта 5 статьи 61 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон об ипотеке) не имелось правовых оснований для прекращения исполнительного производства по доводам, изложенным в заявлении должников.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда указанные судебные акты отменила по следующим основаниям.

В силу пункта 12 части 2 статьи 43 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) исполнительное производство подлежит прекращению судебным приставом-исполнителем в случае прекращения обязательств заемщика – физического лица перед кредитором-залогодержателем в соответствии с пунктом 5 статьи 61 Закона об ипотеке.

Пункт 5 статьи 61 Закона об ипотеке, действующий в редакции Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 61 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ), устанавливает, что, если предметом ипотеки, на который обращается взыскание, является принадлежащее залогодателю – физическому лицу жилое помещение, переданное в ипотеку в обеспечение исполнения заемщиком – физическим лицом обязательств по возврату кредита или займа, предоставленных для целей приобретения жилого помещения, обязательства такого заемщика – физического лица перед кредитором-залогодержателем прекращаются, когда вырученных от реализации предмета ипотеки денежных средств либо стоимости оставленного залогодержателем за собой предмета ипотеки оказалось недостаточно для удовлетворения всех денежных требований кредитора-залогодержателя, с даты получения кредитором-залогодержателем страховой выплаты по договору страхования ответственности заемщика и (или) по договору страхования финансового риска кредитора. При этом в случае признания страховщика банкротом обязательства заемщика – физического лица перед кредитором-залогодержателем прекращаются с даты реализации предмета ипотеки и (или) оставления кредитором-залогодержателем предмета ипотеки за собой.

Согласно статье 2 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ положения пункта 5 статьи 61 Закона об ипотеке (в редакции данного федерального закона) применяются к обеспеченным ипотекой обязательствам, которые возникли до дня вступления в силу Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ (часть 2). Обеспеченные ипотекой обязательства, по которым на день вступления в силу этого федерального

закона не были заключены договоры страхования ответственности заемщика и после дня вступления в силу этого федерального закона для исполнения которых залогодержатель оставляет за собой предмет ипотеки, которым является принадлежащее залогодателю жилое помещение, прекращаются в порядке, установленном пунктом 5 статьи 61 Закона об ипотеке (без учета изменений, внесенных этим федеральным законом) (часть 3).

До внесения Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ изменений пункт 5 статьи 61 Закона об ипотеке действовал в редакции, которая предусматривала, что, если залогодержатель в порядке, установленном этим федеральным законом, оставляет за собой предмет ипотеки, которым является принадлежащее залогодателю жилое помещение, а стоимости жилого помещения недостаточно для полного удовлетворения требований залогодержателя, задолженность по обеспеченному ипотекой обязательству считается погашенной и обеспеченное ипотекой обязательство прекращается. Задолженность по обеспеченному ипотекой обязательству считается погашенной, если размер обеспеченного ипотекой обязательства меньше или равен стоимости заложенного имущества, определенной на момент возникновения ипотеки.

Следовательно, обеспеченное ипотекой обязательство прекращается всякий раз, когда залогодержатель оставляет за собой предмет ипотеки, которым является принадлежащее залогодателю жилое помещение, вне зависимости от даты возникновения ипотеки.

При этом обстоятельство заключения договора страхования ответственности заемщика имеет правовое значение для прекращения обеспеченного ипотекой обязательства только в том случае, когда такой договор не заключен, а сумма задолженности по обеспеченному ипотекой обязательству больше стоимости заложенного имущества, определенной на момент возникновения ипотеки. Отсутствие такого договора без исследования иных обстоятельств, возникших между кредитором и заемщиком, не может являться единственным и безусловным основанием для отказа в прекращении обязательств заемщика – физического лица перед кредитором-залогодержателем на основании пункта 5 статьи 61 Закона об ипотеке.

Из содержания указанной нормы как в предыдущей, так и в новой редакции, а также статьи 2 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ следует, что задолженность считается погашенной в полном объеме при оставлении банком за собой предмета ипотеки – жилого помещения, даже при условии, что его стоимости недостаточно для полного удовлетворения требований залогодержателя.

До внесения изменений в пункт 5 статьи 61 Закона об ипотеке Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ возникающие в такой ситуации финансовые риски возлагались на банки; в соответствии с действующей в настоящее время редакцией нормы эти риски (в случае заключения договоров страхования) несут страховщики.

При незаключении договора страхования риски, связанные с неисполнением заемщиком обязательств, несет кредитор, в том числе и в тех случаях, когда ипотечный договор заключен после принятия Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 169-ФЗ.

Введение этим федеральным законом механизма страхования ответственности заемщиков и финансовых рисков банков от неисполнения ипотечного договора направлено на создание дополнительных гарантий, а не на возложение на заемщика дополнительной ответственности.

Как следует из материалов административного дела, предметом ипотечного кредитного договора являлось предоставление заемщикам кредита в сумме 4 471 000 руб. для приобретения жилого дома и земельного участка, которые переданы в залог в обеспечение обязательств по возврату полученного кредита с установлением залоговой стоимости – 5 500 000 руб., при этом на заемщика возлагалась обязанность по страхованию риска гибели (уничтожения), утраты, повреждения недвижимого имущества и страхованию риска смерти и постоянной утраты трудоспособности К., А.

Во исполнение условий договора между К. и банком заключен договор личного имущественного страхования.

Иных обязательных условий, в частности заключения договора страхования ответственности заемщика и (или) договора страхования финансовых рисков кредитора, договор ипотечного кредитования не содержит.

В рассматриваемом случае договор страхования ответственности К. и А. не заключен, по условиям договора об ипотеке рыночная стоимость заложенного имущества значительно выше суммы денежных средств, полученных административными истцами для приобретения готового жилья. Это позволяет сделать вывод о том, что требования банка, который оставил за собой заложенное имущество, удовлетворены в полном объеме.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда отменила вынесенные по делу судебные акты и приняла по делу новое решение, которым административное исковое заявление К. и А. удовлетворила, признав незаконным постановление судебного пристава-исполнителя об отказе в прекращении исполнительного производства.

Определение № 45-КАД23-22-К7

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

34. До внесения в КоАП РФ изменений не исключается возможность привлечения к административной ответственности по статье 12.24 названного кодекса водителя транспортного средства, допустившего при управлении транспортным средством нарушение Правил дорожного движения, за которое он был привлечен

к административной ответственности по статье 12.18 КоАП РФ и в прямой причинно-следственной связи с которым находится причинение вреда здоровью потерпевшего, в случае последующего выявления факта причинения такого вреда.

При этом постановление судьи о привлечении виновного лица к административной ответственности на основании части 1 или 2 статьи 12.24 КоАП РФ должно содержать положение об отмене постановления о привлечении его в связи с тем же противоправным событием к административной ответственности по статье 12.18 названного кодекса.

Постановлением судьи городского суда, оставленным без изменения решением судьи суда субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Т. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.24 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Одновременно постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции отменено постановление инспектора ДПС о признании Т. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.18 КоАП РФ, производство по данному делу прекращено на основании пункта 7 части 1 статьи 24.5 указанного кодекса.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела и доводы жалобы Т. и его защитника, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 2 статьи 12.24 КоАП РФ (все цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Т. к административной ответственности) нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, влечет наложение административного штрафа или лишение права управления транспортными средствами.

В силу пункта 14.1 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила дорожного движения), водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим дорогу или вступившим на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления перехода.

Т., управляя транспортным средством, в нарушение требований пункта 14.1 Правил дорожного движения не уступил дорогу пешеходу П., переходившей проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу, обозначенному дорожными знаками 5.19.1, 5.19.2 приложения 1 к Правилам дорожного движения и дорожной разметкой 1.14.1, 1.14.2 приложения 2 к Правилам дорожного движения, справа налево по ходу движения

транспортного средства и пользующейся преимущественным правом движения, допустил наезд на нее.

В результате дорожно-транспортного происшествия П. причинен вред здоровью средней тяжести.

Изложенное послужило основанием для привлечения Т. к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 12.24 КоАП РФ.

Фактические обстоятельства дела подтверждаются собранными доказательствами, оцененными судебными инстанциями по правилам статьи 26.11 названного кодекса, которые в том числе свидетельствуют о том, что причиненный потерпевшей П. вред здоровью средней степени тяжести находится в прямой причинно-следственной связи с нарушением водителем Т. пункта 14.1 Правил дорожного движения.

С учетом этого судья кассационной инстанции, принимая во внимание правовую позицию, выраженную в постановлении Конституционного Суда от 17 мая 2023 г. № 24-П, в котором дана оценка конституционности положений статьи 12.18, части 2 статьи 12.24 и пункта 7 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ, обоснованно отменил вынесенное на основании тех же фактических обстоятельств в отношении Т. постановление инспектора ДПС о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной статьей 12.18 «Непредоставление преимущества в движении пешеходам или иным участникам дорожного движения» КоАП РФ, и прекратил производство по этому делу на основании пункта 7 части 1 статьи 24.5 названного кодекса.

При таких обстоятельствах состоявшиеся судебные акты сомнений в своей законности не вызывают, оснований для их отмены или изменения не установлено.

Постановление № 52-АД23-3-К8

35. Изменение категории объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду, исключаящее необходимость получения разрешения на выброс вредных веществ в атмосферный воздух, не является основанием для освобождения юридического лица, эксплуатирующего такой объект, от административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 8.21 КоАП РФ, за осуществление выброса вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения, допущенное до изменения категории соответствующего объекта.

Постановлением должностного лица, оставленным без изменения решением судьи районного суда, Общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.21 КоАП РФ, с назначением административного штрафа.

Решением судьи областного суда, оставленным без изменения

постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица и решение судьи районного суда отменены, производство по делу прекращено на основании пункта 5 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ.

В жалобе, поданной в Верховный Суд, должностное лицо, вынесшее постановление по делу об административном правонарушении, выражало несогласие с решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, приводя доводы о необоснованности прекращения производства по делу в отношении Общества.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении, доводы жалобы и возражения на нее, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 8.21 КоАП РФ выброс вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения влечет назначение административного наказания.

Частью 9 статьи 15 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» установлено, что выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух на объектах I категории, определенных в соответствии с законодательством в области охраны окружающей среды, осуществляются на основании комплексного экологического разрешения, выданного в соответствии с законодательством в области охраны окружающей среды.

На основании части 1 статьи 11 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 219-ФЗ) разрешения на выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух, лимиты на выбросы загрязняющих веществ, разрешения на сброс загрязняющих веществ в окружающую среду, лимиты на сбросы загрязняющих веществ, нормативы образования отходов и лимиты на их размещение, полученные юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду и относящихся в соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» к объектам I и II категорий, до 1 января 2019 г., действуют до дня истечения срока действия таких разрешений и документов либо до дня получения комплексного экологического разрешения или представления декларации о воздействии на окружающую среду в течение срока действия таких разрешений и документов.

Согласно части 1¹ статьи 11 Федерального закона № 219-ФЗ с 1 января 2019 г. до получения комплексных экологических разрешений в сроки, установленные частями 6 и 7 указанной статьи, допускается выдача или переоформление разрешений и документов в порядке, установленном

Правительством Российской Федерации или уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Такие разрешения и документы действуют до дня получения комплексного экологического разрешения в сроки, установленные частями 6 и 7 статьи 11 Федерального закона № 219-ФЗ.

В силу части 6 названной статьи юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах I категории, включенных в утвержденный уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти перечень объектов, обязаны обратиться в уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти с заявкой на получение комплексного экологического разрешения в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. включительно.

Общество привлечено к административной ответственности по части 1 статьи 8.21 КоАП РФ за допущенные нарушения перечисленных требований закона, выразившиеся в том, что в период с 1 января по 14 декабря 2020 г. оно осуществляло выброс загрязняющих веществ (аммиак, метан, метанол и другие) в атмосферный воздух в ходе эксплуатации относящегося к I категории объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду, на площадке которого находятся 68 стационарных источников выброса, без получения в установленном законом порядке комплексного экологического разрешения или разрешения на выброс вредных веществ в атмосферный воздух.

Данные обстоятельства были выявлены 14 декабря 2020 г. и послужили основанием для признания Общества виновным в совершении данного противоправного деяния на основании постановления должностного лица, с выводами которого согласился судья районного суда.

Отменяя названные постановление должностного лица и решение судьи районного суда, судья областного суда пришел к выводу о необходимости применения положений части 2 статьи 1.7 КоАП РФ в связи с тем, что эксплуатируемый Обществом объект отнесен ко II категории негативного воздействия на окружающую среду, а на день вынесения судьей районного суда решения (7 декабря 2021 г.) действовали изменения, внесенные в статью 11 Федерального закона № 219-ФЗ, согласно которым юридическому лицу, эксплуатирующему объект II категории негативного воздействия на окружающую среду, с 1 января 2019 г. не требуется получать разрешения на выброс вредных веществ в атмосферный воздух (часть 1² статьи 11 Федерального закона № 219-ФЗ).

По мнению судьи областного суда, данное обстоятельство улучшает положение лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Судья кассационного суда общей юрисдикции не усмотрел оснований для отмены или изменения решения судьи областного суда.

Между тем обжалуемые судебные акты судей областного и кассационного судов не являются законными.

Частью 2 статьи 1.7 КоАП РФ установлено, что закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено. Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

В соответствии с положениями части 1 названной статьи лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения.

Суждения судьи областного суда сделаны без учета и оценки того обстоятельства, что Общество привлечено к административной ответственности за допущенные в период с 1 января по 14 декабря 2020 г. нарушения требований законодательства в области охраны атмосферного воздуха в ходе эксплуатации объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду, относящегося к объектам I категории.

Изменение Обществом с 31 декабря 2020 г., то есть после привлечения к административной ответственности, статуса эксплуатируемого объекта с I категории на II само по себе не освобождает его от административной ответственности по части 1 статьи 8.21 КоАП РФ.

При таких обстоятельствах применение судьей областного суда положений части 2 статьи 1.7 КоАП РФ не являлось обоснованным.

Постановление № 47-АД23-2-К6

36. При решении вопроса о наличии события административного правонарушения, выражающегося в совершении действий (бездействии), повлекших неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства (часть 7 статьи 7.32 КоАП РФ), следует учитывать, что Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» допускает возможность изменения существенных условий контракта, если при исполнении такого контракта возникли независящие от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения (часть 65¹ статьи 112 названного Федерального закона).

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, должностное лицо Общества (далее также – должностное лицо) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 7 статьи 7.32 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы защитника, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 7 статьи 7.32 КоАП РФ действия (бездействие), повлекшие неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства, если такие действия (бездействие) не влекут уголовной ответственности, влекут назначение административного наказания.

22 апреля 2021 г. между администрацией муниципального района и Обществом в лице его должностного лица заключен муниципальный контракт на выполнение строительно-монтажных, пусконаладочных работ, поставку оборудования, неразрывно связанного с производством работ по физкультурно-оздоровительному объекту. Цена контракта – 366 976 159 руб., календарный срок окончания работ – 1 сентября 2022 г.

В ходе проверки, проведенной в отношении Общества 15 сентября 2022 г., установлено, что работы, предусмотренные указанным муниципальным контрактом, в установленный им срок в полном объеме не выполнены, объект к вводу в эксплуатацию не готов, не сдан.

При этом дополнительным соглашением от 29 августа 2022 г. в муниципальный контракт от 22 апреля 2021 г. внесены существенные изменения в его условия в части срока окончания работ – по 15 ноября 2022 г.

Данные обстоятельства послужили основанием для вынесения прокурором в отношении должностного лица постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 7 статьи 7.32 КоАП РФ, и привлечения его постановлением мирового судьи к административной ответственности по названной норме.

Признавая должностное лицо виновным в совершении вмененного противоправного деяния, мировой судья исходил из того, что оно не обеспечило выполнение работ, предусмотренных муниципальным контрактом от 22 апреля 2021 г., в установленный этим контрактом срок (1 сентября 2022 г.), в полном объеме, что повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства, выразившегося в срыве передачи здания спортивного учреждения заказчику, задержке его дальнейшего использования по целевому назначению, нарушении прав неопределенного круга лиц на доступность объектов спорта, в том числе на сельских территориях и в сельских

агломерациях в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661.

При этом мировой судья пришел к выводам о том, что объективных данных, безусловно указывающих на то, что неисполнение условий муниципального контракта от 22 апреля 2021 г. допущено подрядчиком по независящим от него обстоятельствам (военные действия, стихийные бедствия и др.), вследствие которых очевидна невозможность исполнения контракта в установленный срок, не установлено, в связи с чем заключение 29 августа 2022 г. дополнительного соглашения к муниципальному контракту от 22 апреля 2021 г. о продлении сроков его исполнения противоречит основным принципам контрактной системы в сфере закупок.

С данными выводами мирового судьи согласились вышестоящие судебные инстанции.

Между тем изложенные в обжалуемых судебных актах выводы признаны преждевременными ввиду следующего.

Исходя из смысла статей 432, 766 ГК РФ условие о сроках выполнения работ является существенным условием государственного или муниципального контракта.

К отношениям по государственным или муниципальным контрактам на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной названным кодексом, применяется закон о подрядах для государственных или муниципальных нужд (статья 768 ГК РФ).

В силу положений части 2 статьи 34, части 1 статьи 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (цитируемые далее нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения должностного лица к административной ответственности) при заключении и исполнении контракта изменение его условий, как правило, не допускается.

В соответствии с частью 6¹ статьи 112 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, введенной Федеральным законом от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ), по соглашению сторон допускается изменение существенных условий контракта, заключенного до 1 января 2023 г., если при исполнении такого контракта возникли независящие от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения. Предусмотренное данной частью изменение осуществляется с соблюдением положений частей 1³–1⁶ статьи 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ на основании решения Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрации при осуществлении закупки для федеральных нужд, нужд субъекта Российской Федерации, муниципальных нужд соответственно.

При этом пунктом 11 части 1 статьи 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ закреплено, что Правительство Российской Федерации в 2022 году вправе принимать решения, предусматривающие установление порядка и случаев изменения существенных условий государственных и муниципальных контрактов, предметом которых является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведение работ по сохранению объектов культурного наследия.

В соответствии с данной нормой постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2022 г. № 680 установлены порядок и случаи изменения существенных условий государственных и муниципальных контрактов, предметом которых является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведение работ по сохранению объектов культурного наследия.

Так, положениями подпункта «а» пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2022 г. № 680 определено, что при возникновении в ходе исполнения государственных и муниципальных контрактов, предметом которых является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведение работ по сохранению объектов культурного наследия, независящих от сторон контракта обстоятельств, влекущих невозможность его исполнения, в 2022 году допускаются изменения таких существенных условий контракта, как изменение (продление) срока исполнения контракта, в том числе в связи с необходимостью внесения изменений в проектную документацию, включая контракт, срок исполнения которого в соответствии с положениями Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» ранее изменялся.

Аналогичная возможность изменения сторонами государственного контракта, контракта, договора на закупку товаров, работ, услуг для обеспечения нужд соответствующего субъекта Российской Федерации, заключенных до 1 января 2023 г., существенных его условий, в числе которых цена контракта и сроки выполнения работы, оказания услуг, в случае возникновения при их исполнении независящих от сторон обстоятельств, влекущих невозможность исполнения указанных государственного контракта, контракта, договора, закреплена постановлением правительства субъекта Российской Федерации, которым также утвержден порядок изменения существенных условий перечисленных контрактов.

С момента возбуждения дела об административном правонарушении защитник должностного лица последовательно утверждал об отсутствии события административного правонарушения, поскольку срок исполнения муниципального контракта от 22 апреля 2021 г. в связи с необходимостью

внесения изменений в проектную документацию был продлен по 15 ноября 2022 г. сторонами данного контракта дополнительным соглашением от 29 августа 2022 г. в соответствии с частью 65¹ статьи 112 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2022 г. № 680 и постановлением правительства субъекта Российской Федерации, предоставляющими сторонам заключенного в 2021 году муниципального контракта право при исполнении контракта вносить изменения такого существенного условия контракта, как изменение (продление) срока исполнения контракта, в том числе в связи с необходимостью внесения изменений в проектную документацию, что имело место в рассматриваемом случае.

Отклоняя данные доводы, мировой судья указал на то, что на момент заключения контракта подрядчик, соглашаясь при заключении муниципального контракта с установленными в нем условиями, обязан был проанализировать характер предполагаемых работ, возможные риски, влекущие для него правовые последствия, а также соразмерность объема работ и сроков, отведенных для их выполнения, надлежащим образом организовывать и обеспечивать своевременное и качественное решение задач и выполнение функций, совершать другие действия, направленные на соблюдение установленного срока выполнения муниципального контракта.

Вместе с тем такой вывод сделан мировым судьей без учета изменений, внесенных в 2022 году в законодательство о контрактной системе перечисленными выше нормами, в силу которых изменение существенных условий контракта по соглашению сторон допустимо (в том числе в настоящее время) в случае соблюдения совокупности определенных данными правовыми нормами условий, а также находящихся в материалах дела письменных предложений подрядчика в адрес заказчика об изменении существенных условий контракта с приложением документов, обосновывающих такое предложение, а также с указанием конкретных условий контракта, подлежащих изменению.

Кроме того, согласно информационному письму главы администрации муниципального района в адрес Общества лимиты финансирования в размере 13 644 971,88 руб. по муниципальному контракту от 22 апреля 2021 г. перенесены на 2023 год.

Данные обстоятельства и доводы защитника также не получили надлежащей правовой оценки судьями районного суда и кассационной инстанции.

В ходе производства по делу об административном правонарушении все юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела, возбужденного в отношении должностного лица, в нарушение требований статей 24.1 и 26.1 КоАП РФ не установлены, в связи с чем постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении его по делу об административном правонарушении,

предусмотренном частью 7 статьи 7.32 КоАП РФ, отменены, дело возвращено на новое рассмотрение мировому судье.

Постановление № 49-АД23-15-К6

37. Для решения вопроса о наличии в действиях (бездействии) иностранного гражданина, лица без гражданства состава административного правонарушения, выражающегося в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания, необходимо установить, имеются ли законные основания для временного проживания (пребывания) иностранного гражданина, лица без гражданства на территории Российской Федерации на определенную дату, в том числе с учетом действия временных мер по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, гражданин Республики Узбекистан С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3¹ статьи 18.8 КоАП РФ.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы защитника С. – Х., пришел к следующим выводам.

Частью 1¹ статьи 18.8 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения С. к административной ответственности) установлена административная ответственность за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в отсутствии документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, или в случае утраты таких документов в неподаче заявления об их утрате в соответствующий орган либо в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

В соответствии с частью 3¹ статьи 18.8 КоАП РФ нарушение, предусмотренное частью 1¹ названной статьи, совершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской области, влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до семи тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ) срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, за исключением случаев, предусмотренных данным Федеральным законом, а также в случае, если такой срок не продлен в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. При этом непрерывный срок временного пребывания в Российской Федерации указанного иностранного гражданина не может превышать девяносто суток.

Временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации по истечении срока действия его визы или иного срока временного пребывания, установленного Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ или международным договором Российской Федерации, за исключением случаев, когда на день истечения указанных сроков ему продлен срок действия визы или иной срок временного пребывания, либо ему выдана новая виза, либо у него (в отношении его) приняты заявление и иные документы, необходимые для получения разрешения на временное проживание, либо у него принято заявление о выдаче уведомления о возможности приема в гражданство Российской Федерации иностранного гражданина, признанного носителем русского языка в соответствии со статьей 33¹ Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», или заявление о выдаче вида на жительство, либо федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел принято ходатайство работодателя или заказчика работ (услуг) о привлечении иностранного гражданина к трудовой деятельности в качестве высококвалифицированного специалиста или заявление работодателя или заказчика работ (услуг) о продлении срока действия разрешения на работу, выданного такому высококвалифицированному специалисту в соответствии со статьей 13² Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ.

16 июня 2022 г. сотрудниками МВД России был выявлен гражданин Республики Узбекистан С., прибывший на территорию Российской Федерации 8 декабря 2019 г. в порядке, не требующем получения визы, который в нарушение пункта 2 статьи 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ уклонился от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания – до 8 июля 2021 г.

Указанные обстоятельства послужили основанием для привлечения С. к административной ответственности по части 3¹ статьи 18.8 КоАП РФ постановлением судьи районного суда, с выводами которого согласился судья кассационного суда.

Вместе с тем при вынесении обжалуемых судебных актов не учтено

следующее.

Для решения вопроса о наличии в действиях лица состава административного правонарушения, предусмотренного частью 3¹ статьи 18.8 КоАП РФ, необходимо установить, имеются ли законные основания временного проживания (пребывания) иностранного гражданина на территории Российской Федерации.

Проверке подлежит наличие у иностранного гражданина документа, подтверждающего его право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, а также наличие самого права иностранного гражданина пребывать на территории Российской Федерации на определенную дату.

Согласно материалам дела гражданин Республики Узбекистан С. прибыл на территорию Российской Федерации 8 декабря 2019 г. в порядке, не требующем получения визы.

Подпунктом «а» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (далее – Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 364) приостановлено с 16 июня 2021 г. до истечения 90 суток с даты снятия введенных Российской Федерацией временных ограничений на транспортное сообщение с иностранным государством течение сроков временного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в Российской Федерации и имеющих гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на его территории, сроков, на которые такие иностранные граждане и лица без гражданства поставлены на учет по месту пребывания, а также сроков действия визы и миграционной карты с проставленными в ней отметками, выданных этим иностранным гражданам и лицам без гражданства.

В соответствии с пунктом 6 Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 364 перечень иностранных государств, в отношении которых сняты введенные Российской Федерацией временные ограничения на транспортное сообщение (с указанием даты снятия таких ограничений), утверждается Правительством Российской Федерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2022 г. № 1253-р утвержден перечень иностранных государств, в отношении которых сняты введенные Российской Федерацией временные ограничения на транспортное сообщение.

Республика Узбекистан в данном перечне не указана.

При этом положениями пункта 2 названного распоряжения Правительства Российской Федерации установлено, что датой снятия временных ограничений на транспортное сообщение с иностранным государством является дата его включения в перечень, утвержденный

пунктом 1 этого распоряжения.

Согласно пункту 3 указанного распоряжения, введенному распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 2537-р, датой снятия ограничений на транспортное сообщение с Республикой Узбекистан, не включенной в названный перечень, является дата вступления в силу акта Правительства Российской Федерации о признании утратившим силу акта Правительства Российской Федерации, установившего такие ограничения (в рассматриваемом случае это 15 июля 2022 г. – дата, когда распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 635-р «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений» утратило силу).

Таким образом, в силу положений приведенных актов течение срока временного пребывания С. на территории Российской Федерации было приостановлено и на момент его привлечения к административной ответственности за уклонение от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания (8 июля 2021 г.) срок временного пребывания С. на территории Российской Федерации не истек.

Однако судами вопрос о том, подпадает ли пребывание С. на территории Российской Федерации под действие Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 364, всесторонне, полно и объективно не исследовался. В ходе производства по делу об административном правонарушении все юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела, в нарушение требований статей 24.1 и 26.1 КоАП РФ не установлены.

При таких обстоятельствах состоявшиеся по делу об административном правонарушении судебные акты отменены, производство по делу прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановление № 5-АД23-53-К2

38. Жалоба (протест) на определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, подлежит рассмотрению в суде по месту вынесения такого определения с извещением лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, о времени и месте рассмотрения поданной жалобы (принесенного протеста).

Должностное лицо, вынесшее определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, не наделено правом на обжалование решения судьи, состоявшегося по жалобе (протесту) на данное определение.

Прокурором вынесено постановление о возбуждении в отношении Общества дела об административном правонарушении по статье 7.1 КоАП РФ, которой установлена административная ответственность за самовольное занятие земельного участка или части земельного участка, в том числе использование земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством Российской Федерации прав на указанный земельный участок.

Данное постановление и приложенные к нему материалы направлены на рассмотрение в Управление Росреестра по области.

Определением должностного лица Управления Росреестра по области постановление прокурора о возбуждении в отношении Общества дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 7.1 КоАП РФ, и приложенные к нему материалы на основании пункта 4 части 1 статьи 29.4 названного кодекса возвращены прокурору для устранения недостатков.

Решением судьи городского суда определение должностного лица Управления Росреестра по области о возвращении постановления прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении отменено, дело направлено указанному должностному лицу на рассмотрение.

На это решение должностным лицом, вынесшим определение, поданы жалобы в областной суд, а затем в кассационный суд общей юрисдикции.

Решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции решение судьи городского суда оставлено без изменения.

Должностное лицо, вынесшее определение о возвращении постановления прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении, обратилось в Верховный Суд с жалобой, в которой ставило вопрос об отмене состоявшихся судебных актов.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Порядок подачи жалоб, принесения протестов на постановления (решения) по делам об административных правонарушениях и пересмотра таких постановлений (решений) установлен главой 30 КоАП РФ.

Подача жалоб, принесение протестов на не вступившие в законную силу постановления и решения по делам об административных правонарушениях осуществляется в соответствии с положениями статей 30.1–30.2, 30.9, 30.10 названного кодекса.

КоАП РФ закрепляет исчерпывающий перечень случаев, когда должностным лицам административного органа предоставлено право обжалования судебных актов, принятых по делу об административном правонарушении.

Такие случаи предусмотрены частью 1¹ статьи 30.1, частью 5 статьи 30.9, частями 4, 5 статьи 30.12 указанного кодекса.

Так, в соответствии с частью 1¹ статьи 30.1 КоАП РФ должностное

лицо, уполномоченное в соответствии со статьей 28.3 данного кодекса составлять протокол об административном правонарушении, вправе обжаловать в вышестоящий суд постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное судьей.

В силу части 5 статьи 30.9 КоАП РФ должностным лицом, вынесшим постановление по делу об административном правонарушении, может быть обжаловано решение суда по жалобе на это постановление.

Согласно частям 4, 5 статьи 30.12 КоАП РФ должностное лицо, вынесшее постановление по делу об административном правонарушении, вправе обжаловать вступившее в законную силу решение по результатам рассмотрения жалобы, протеста на это постановление; должностное лицо, направившее дело на рассмотрение судье, вправе обжаловать вступившее в законную силу решение по результатам рассмотрения жалобы на вынесенное судьей постановление по делу об административном правонарушении.

Определение о возвращении протокола об административном правонарушении (постановления о возбуждении дела об административном правонарушении) исключает возможность дальнейшего движения дела, оно может быть обжаловано лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевшим, поскольку затрагивает право указанных лиц на судебную защиту, а также опротестовано прокурором.

При этом КоАП РФ не предусматривает возможности обжалования решения, состоявшегося по жалобе (протесту) на определение о возвращении протокола об административном правонарушении (постановления о возбуждении дела об административном правонарушении), должностным лицом, вынесшим это определение.

Между тем судьей областного суда оставлено без внимания то обстоятельство, что жалоба на решение судьи городского суда, состоявшееся по протесту прокурора на определение о возвращении постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, подана должностным лицом, вынесшим это определение, не имеющим права обжалования данного акта.

Жалоба указанного должностного лица принята судьей областного суда к производству суда и рассмотрена по существу.

Судьей кассационного суда общей юрисдикции допущенное судьей областного суда нарушение требований КоАП РФ не устранено.

Кроме того, с учетом положений части 2 статьи 30.16 КоАП РФ судья Верховного Суда пришел к выводу о том, что по делу об административном правонарушении допущены иные нарушения требований названного кодекса.

Определение о возвращении протокола об административном правонарушении (постановления о возбуждении дела об административном правонарушении) обжалуется в соответствии с правилами, установленными главой 30 указанного кодекса.

На определение о возвращении постановления о возбуждении дела об

административном правонарушении прокурором в городской суд принесен протест в порядке, предусмотренном статьями 30.1–30.2, 30.10 КоАП РФ.

В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 30.1 названного кодекса протест подлежал рассмотрению по месту вынесения определения о возвращении постановления о возбуждении дела об административном правонарушении.

Из материалов дела следует, что соответствующее определение вынесено должностным лицом Управления Росреестра по области по адресу, который относится к юрисдикции районного суда.

Таким образом, протест, принесенный прокурором на данное определение, рассмотрен судьей городского суда с нарушением правил территориальной подсудности.

Судьей городского суда допущено также иное нарушение требований КоАП РФ.

При рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в числе прочего устанавливается явка законного представителя юридического лица, в отношении которого вынесено постановление по делу; выясняются причины неявки участников производства по делу и принимается решение о рассмотрении жалобы в отсутствие указанных лиц либо об отложении рассмотрения жалобы (пункты 2, 4 части 2 статьи 30.6 КоАП РФ).

В силу приведенных выше норм законный представитель юридического лица, в отношении которого возбуждено производство по делу об административном правонарушении, должен быть надлежащим образом извещен о месте и времени рассмотрения жалобы (протеста), поданной (принесенной) на определение о возвращении протокола об административном правонарушении (постановления о возбуждении дела об административном правонарушении).

Определением судьи городского суда предусмотрено вызвать в суд прокурора и должностное лицо, вынесшее обжалуемое определение.

Судья городского суда рассмотрел протест на определение должностного лица о возвращении постановления о возбуждении дела об административном правонарушении в отсутствие законного представителя юридического лица, в отношении которого возбуждено производство по данному делу.

Уведомление с информацией о месте и времени рассмотрения протеста направлено судьей городского суда только в адрес соответствующей прокуратуры и должностного лица Управления Росреестра по области. Законный представитель Общества о месте и времени рассмотрения протеста не извещался. Из содержания протокола судебного заседания и решения судьи городского суда следует, что причины неявки законного представителя указанного юридического лица не выяснились.

Судьей городского суда не были созданы необходимые условия для обеспечения предусмотренных частью 3 статьи 25.4 КоАП РФ

процессуальных гарантий прав юридического лица, в отношении которого возбуждено производство по делу об административном правонарушении, порядок рассмотрения протеста на определение, состоявшееся по делу об административном правонарушении, не соблюден, протест рассмотрен без участия законного представителя Общества, который не был извещен о месте и времени его рассмотрения.

При таких обстоятельствах состоявшееся решение судьи городского суда, решение областного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции отменены.

Дело об административном правонарушении направлено судье районного суда на рассмотрение со стадии принятия к производству протеста на определение должностного лица Управления Росреестра по области.

Производство по жалобе должностного лица, вынесшего определение о возвращении постановления прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении, на решение судьи городского суда прекращено.

Постановление № 4-АД23-9-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По уголовным делам

39. Прекращение уголовного дела в отношении лица в связи с истечением срока давности уголовного преследования в отсутствие подтвержденных данных о законности и обоснованности предъявленного ему обвинения повлекло отмену судебного решения.

Постановлением Московского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным постановлением 2-го Западного окружного военного суда, прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования уголовное дело в отношении К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 159 УК РФ.

Кассационным определением кассационного военного суда судебные решения оставлены без изменения, а кассационная жалоба К. без удовлетворения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника К., Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные решения отменила, а дело передала на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов дела, органами предварительного следствия К. обвинялся в мошенничестве, что выразилось в представлении им 7 августа 2014 г. и 15 мая 2015 г. в Межрайонную инспекцию

Федеральной налоговой службы № 1 (далее – ИФНС России) документов с заведомо ложными сведениями относительно суммы фактически произведенных им расходов на приобретение жилья и в сокрытии информации о том, что квартира им приобретена не только за счет личных средств, но и за счет целевого жилищного займа, а также кредитных денежных средств, возврат которых осуществляется за счет средств федерального бюджета. В результате введенные в заблуждение должностные лица ИФНС России № 1 подготовили документы, на основании которых К. были произведены выплаты в виде индивидуального налогового вычета в размере 129 300 руб. и 129 608 руб. соответственно. Поскольку К. имел право на получение индивидуального налогового вычета на сумму 43 180 руб., указанными действиями им был причинен ущерб государству в лице ИФНС России № 1 в размере 215 728 руб.

В ходе предварительного слушания в суде первой инстанции К. заявил письменное ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, которое было удовлетворено. При этом суд первой инстанции исходил из того, что со дня совершения преступления, относящегося к категории преступлений небольшой тяжести, прошло более двух лет, и государственный обвинитель против заявленного подсудимым ходатайства не возражал.

Признав постановление Московского гарнизонного военного суда законным, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что К. в своих объяснениях от 19 февраля 2019 г. письменно заявил о несогласии с вынесенным в отношении его постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Отсутствие такого согласия явилось основанием для возбуждения в отношении его уголовного дела.

Однако такие выводы судов являются ошибочными, противоречащими положениям закона.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом в ряде постановлений, условием прекращения в отношении лица уголовного преследования в связи с истечением срока давности является законность и обоснованность обвинения (подозрения), поскольку прекращение уголовного дела в подобном случае означает отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то, что основания для осуществления в отношении его уголовного преследования сохраняются (постановления Конституционного Суда от 28 октября 1996 г. № 18-П, от 2 марта 2017 г. № 4-П, от 7 марта 2017 г. № 5-П, от 19 мая 2022 г. № 20-П).

Положения статьи 78 УК РФ, пункта 3 части 1 статьи 24, статьи 27, части 4 статьи 7, статьи 213 УПК РФ обязывают дознавателя, следователя, суд при вынесении постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования в том числе в связи с истечением срока давности указать обстоятельства, послужившие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статью УК РФ,

предусматривающие преступление, по признакам которого уголовное дело было возбуждено; результаты предварительного следствия с указанием данных о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование; применявшиеся меры пресечения; пункт, часть, статью УПК РФ, на основании которых прекращаются уголовное дело и (или) уголовное преследование; привести соответствующее фактическое и правовое обоснование прекращения уголовного дела. Мотивировка такого решения в связи с истечением срока давности уголовного преследования должна основываться на нормах материального и процессуального права, а также на доказательствах, подтверждающих само событие, правильность квалификации деяния, срок давности уголовного преследования за которое истек, совершение деяния (подозрения в совершении) конкретным лицом, наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела.

Следовательно, решение о прекращении в отношении лица уголовного преследования по указанному основанию должно основываться на доказательствах, подтверждающих наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела. Такой вывод также следует из правовой позиции Конституционного Суда, сформулированной в постановлении от 19 мая 2022 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского».

Между тем, прекращая уголовное дело в отношении К. в связи с истечением срока давности уголовного преследования, указанные требования закона судами не выполнены, в результате чего законность и обоснованность обвинения в его отношении осталась неподтвержденной.

Определение № 222-УД23-28-К10

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В каком порядке рассматривается требование лица о возмещении расходов, понесенных при разрешении спора в федеральном органе исполнительной власти в соответствии с абзацем первым пункта 2 статьи 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации?

Ответ. Согласно абзацу первому пункта 2 статьи 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ, Кодекс) в случаях, предусмотренных Кодексом, защита интеллектуальных прав осуществляется в административном порядке соответствующим федеральным органом исполнительной власти.

На основании абзаца второго пункта 2 статьи 1248 ГК РФ расходы по спору, понесенные стороной, в пользу которой федеральным органом исполнительной власти принято решение (далее – расходы), подлежат возмещению другой стороной спора. Данной нормой также определен состав таких расходов.

Если федеральный орган исполнительной власти отказал в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны результату интеллектуальной деятельности, средству индивидуализации и (или) против предоставления исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара (пункт 4 статьи 1398, пункт 1 статьи 1500, статья 1513, пункт 3 статьи 1524 ГК РФ) в полном объеме, решение считается принятым в пользу стороны (правообладателя средства индивидуализации, патентообладателя), против предоставления правовой охраны, действия патента которой было подано возражение. В этом случае расходы подлежат возмещению данной стороне.

Соблюдение административного порядка в федеральном органе исполнительной власти в случаях, предусмотренных Кодексом, является обязательным условием для последующего обращения заинтересованного лица в арбитражный суд (часть 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ). При наличии спора, касающегося возмещения таких расходов, в том числе их состава и размера, требование стороны о возмещении соответствующих расходов подлежит рассмотрению арбитражным судом с соблюдением общих правил территориальной подсудности (статья 35 АПК РФ) в порядке искового производства, исходя из принципов необходимости, разумности и пропорциональности (абзац второй пункта 2 статьи 1248 ГК РФ, глава 9 АПК РФ, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 января 2023 г. № 1-П).

Судебные акты арбитражных судов субъектов Российской Федерации, арбитражных апелляционных судов по делу о возмещении расходов обжалуются в кассационном порядке в Суд по интеллектуальным правам (пункт 2 части 3 статьи 43⁴ Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»).

Сторона, заявляющая требование о возмещении расходов, должна доказать факт их несения, а также связь между понесенными расходами и спором, рассмотренным федеральным органом исполнительной власти с ее участием.

Если федеральным органом исполнительной власти требования стороны удовлетворены частично, суд выносит решение о возмещении расходов пропорционально объему удовлетворенных требований. При этом суд учитывает, в каком объеме в новом патенте сохранена формула оспоренного патента (сколько пунктов предложенной заявителем формулы патента сохранено) и в отношении какого количества товаров (услуг)

Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков сохранена правовая охрана товарного знака.

Сторона спора, не согласная с решением федерального органа исполнительной власти по спору, разрешенному в соответствии с абзацем первым пункта 2 статьи 1248 ГК РФ, может оспорить это решение в установленном законом порядке в Суд по интеллектуальным правам (абзац второй пункта 2 части 4 статьи 34 АПК РФ). Если при рассмотрении заявления о возмещении расходов суду станет известно об оспаривании соответствующего решения федерального органа исполнительной власти, производство по делу о возмещении расходов подлежит приостановлению до вступления в силу судебного акта Суда по интеллектуальным правам о законности обжалуемого решения (пункт 1 части 1 статьи 143 АПК РФ).

В случае если Суд по интеллектуальным правам признает решение федерального органа исполнительной власти незаконным и примет правоустанавливающее решение (абзац третий пункта 138 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»), спор о защите интеллектуальных прав считается разрешенным в пользу стороны, оспорившей это решение в суде (часть 1 статьи 16 АПК РФ). Следовательно, исходя из универсальности воли законодателя и принципа равенства расходы, которые эта сторона понесла в связи с рассмотрением спора с ее участием в федеральном органе исполнительной власти, подлежат возмещению с учетом абзаца второго пункта 2 статьи 1248 ГК РФ и правил, изложенных выше.

Вступившее в законную силу решение суда о возмещении расходов, принятое до признания Судом по интеллектуальным правам решения федерального органа исполнительной власти незаконным, может быть пересмотрено применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 1 части 3 статьи 311 и часть 2 статьи 325 АПК РФ).

ВОПРОС 2. В каком порядке рассчитывается государственная пошлина при обращении с заявлениями и иными требованиями, которые подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве?

ОТВЕТ. В силу статей 6, 7, 8, 37, 39 и 41 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) возбуждение дела о банкротстве и дальнейшее его рассмотрение осуществляются на основании заявления должника или его кредиторов (конкурсных кредиторов, уполномоченных органов, работников).

Согласно подпункту 5 пункта 1 статьи 333²¹ Налогового кодекса Российской Федерации при подаче такого заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) отдельно уплачивается государственная пошлина.

Положения Закона о банкротстве предусматривают, что в дальнейшем в период после введения первой процедуры, применяемой в деле о банкротстве, действуют специальные правила подсудности как по требованиям, предъявляемым к должнику, так и по заявлениям арбитражного управляющего или отдельного кредитора, направленным на защиту интересов всех кредиторов. В силу таких специальных правил подсудности соответствующие заявления рассматриваются арбитражным судом в деле о банкротстве (например, статья 60, пункт 1 статьи 61⁸, пункт 1 статьи 61¹⁶, пункт 1 статьи 61²⁰, абзац второй пункта 1 статьи 63, статьи 71 и 100, абзац седьмой пункта 1 статьи 126 и другие статьи Закона о банкротстве).

Таким образом, рассмотрение дела о банкротстве предполагает разрешение арбитражным судом в его рамках отдельных споров о праве (далее – обособленные споры).

В связи с этим при подаче в деле о банкротстве заявлений и иных требований, связанных с разрешением самостоятельного материально-правового спора, размер государственной пошлины подлежит исчислению по общим правилам исходя из существа предъявляемых в арбитражный суд требований в соответствии с пунктом 1 статьи 333²¹ Налогового кодекса Российской Федерации.

В частности, по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности, о возмещении причиненных контролирующими лицами или арбитражным управляющим убытков, об истребовании имущества или об обязанности передать имущество, а также о включении в реестр требований кредиторов или по возражениям (разногласиям) относительно рассмотрения арбитражным управляющим требования кредитора (если требование не подтверждено вступившим в законную силу судебным актом) государственная пошлина оплачивается исходя из того, что такие заявления носят имущественный характер, подлежащий оценке (подпункт 1 пункта 1 статьи 333²¹ Налогового кодекса Российской Федерации).

Заявления об оспаривании торгов, о признании сделок недействительными и об оспаривании решений собрания (комитета) кредиторов оплачиваются государственной пошлиной в размере, предусмотренном для заявлений о признании сделок недействительными (подпункт 2 пункта 1 статьи 333²¹ Налогового кодекса Российской Федерации).

Заявления по иным категориям обособленных споров оплачиваются исходя из размера государственной пошлины, предусмотренной для заявлений неимущественного характера (подпункт 4 пункта 1 статьи 333²¹ Налогового кодекса Российской Федерации). В частности, в таком порядке подлежит уплате государственная пошлина по спорам о разрешении разногласий, о признании незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего (по каждому эпизоду), об отстранении арбитражного управляющего от исполнения обязанностей, а также

по заявлениям о намерении (статьи 60, 71¹, 85¹, 112¹, 113, 125, 129¹, 145, 201¹⁵ и другие статьи Закона о банкротстве).

При подаче апелляционных, кассационных и надзорных жалоб по приведенным выше категориям обособленных споров размер государственной пошлины исчисляется по правилам подпунктов 12 и 12² пункта 1 статьи 333²¹ Налогового кодекса Российской Федерации.

Судам следует также учитывать, что при рассмотрении процессуальных ходатайств и заявлений, связанных с движением дела о банкротстве (например, о продлении процедуры, об утверждении или освобождении арбитражного управляющего от возложенных на него обязанностей, об утверждении вознаграждения арбитражного управляющего), государственная пошлина уплате не подлежит.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что признание гражданина банкротом в силу пунктов 1–3 статьи 213²⁵ Закона о банкротстве предполагает включение его имущества (за исключением того имущества, на которое не может быть обращено взыскание) в конкурсную массу. Исходя из этого, при рассмотрении обособленных споров, инициируемых гражданином-должником, а также по иным социально значимым категориям споров (например, связанным с защитой прав работников должника, прав участников долевого строительства при банкротстве застройщиков или прав вкладчиков кредитных организаций) судам следует учитывать положения пункта 2 статьи 333²² Налогового кодекса Российской Федерации, предполагающие право суда по ходатайству освободить заявителя от уплаты государственной пошлины, исходя из имущественного положения плательщика.

При разрешении вопросов об отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины (пункт 1 статьи 333⁴¹ Налогового кодекса Российской Федерации) по требованиям, предъявляемым арбитражными управляющими в интересах кредиторов, судам в целях обеспечения доступности правосудия и реализации права на судебную защиту следует принимать во внимание необходимость выполнения арбитражными управляющими возложенных на них обязанностей в пределах сроков процедур банкротства, имущественное состояние конкурсной массы на день предъявления требования и наличие у арбитражного управляющего фактической возможности осуществить уплату государственной пошлины.

ВОПРОС 3. Является ли основанием для возвращения судьей в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 29.4 КоАП РФ протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые его составили, отсутствие в протоколе или в приложенных к нему материалах данных об уникальном идентификаторе начисления?

ОТВЕТ. В соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении судья возвращает протокол об административном правонарушении и другие материалы дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

Требования к содержанию постановления по делу об административном правонарушении установлены в статье 29.10 КоАП РФ.

В случае наложения административного штрафа в постановлении по делу об административном правонарушении, помимо указанных в части 1 названной статьи сведений, должна быть указана информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы административного штрафа, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе (часть 1¹ статьи 29.10 КоАП РФ).

Постановление по делу об административном правонарушении является одним из видов исполнительных документов (пункт 6 части 1 статьи 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве)).

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» уточнен перечень информации, которая должна содержаться в исполнительных документах, предусматривающих требование о взыскании задолженности по платежам в бюджет: к числу таких сведений, наряду с указанными в части 1 статьи 13 Закона об исполнительном производстве, а также информацией, необходимой в соответствии с правилами заполнения расчетных документов, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе, прямо отнесен уникальный идентификатор начисления (часть 1¹ статьи 13 Закона об исполнительном производстве в редакции Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 417-ФЗ).

Ввиду этого в целях обеспечения точности указания названных данных в постановлении по делу об административных правонарушениях к протоколу (постановлению прокурора) об административном правонарушении, за совершение которого предусмотрен административный штраф, направляемому судье, в орган, должностному лицу, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении, прилагается информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы административного штрафа, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе (часть 1¹ статьи 28.8 КоАП РФ).

В соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» перечень реквизитов перевода, необходимых для учета поступления платежей, являющихся источниками формирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, устанавливается Министерством финансов Российской Федерации по согласованию с Банком России (часть 1 статьи 8).

Приказом Министерством финансов Российской Федерации от 12 ноября 2013 г. № 107н утверждены Правила указания информации в реквизитах распоряжений о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему Российской Федерации, в соответствии с которыми к такой информации отнесен, в том числе уникальный идентификатор начисления.

В связи с этим при отсутствии в протоколе об административном правонарушении, за совершение которого может быть назначено административное наказание в виде административного штрафа, и других материалах дела о таком правонарушении, уникального идентификатора начисления и иной информации, необходимой в соответствии с правилами заполнения расчетных документов, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе, судья вправе вынести определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, ввиду неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела (пункт 4 части 1 статьи 29.4 КоАП РФ).

Вопросы применения положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», вступившего в силу 5 января 2024 г.

ВОПРОС 1. В каком порядке лицо, не согласное с определением об обеспечении иска, вынесенным арбитражным судом, реализует свои процессуальные права в целях отмены принятых обеспечительных мер?

ОТВЕТ. Положениями Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон № 667-ФЗ), вступившего в силу 5 января 2024 г., из части 7 статьи 93 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – АПК РФ, Кодекс) исключено указание на возможность обжалования определения арбитражного суда об обеспечении иска.

Следовательно, с 5 января 2024 г. такое определение обжалованию не подлежит.

В силу части 5 статьи 97 АПК РФ в апелляционном порядке могут быть обжалованы только определения арбитражного суда об отмене обеспечения иска и об отказе в отмене обеспечения иска.

Что касается защиты права лица, не согласного с определением об обеспечении иска, надлежащим способом реализации данного права является обращение с ходатайством об отмене указанного определения, которое подлежит рассмотрению в порядке, предусмотренном статьей 97 АПК РФ.

ВОПРОС 2. В каком порядке арбитражным судом рассматривается заявление по вопросу о судебных расходах?

ОТВЕТ. На основании абзаца третьего части 2 статьи 112 АПК РФ в редакции Федерального закона № 667-ФЗ при рассмотрении заявления по вопросу о судебных расходах, не разрешенному соответствующим судом, применяются правила, предусмотренные статьей 159 АПК РФ, с учетом особенностей, установленных главой 29 АПК РФ.

Глава 29 АПК РФ регламентирует порядок упрощенного производства. Следовательно, при рассмотрении заявления по вопросу о судебных расходах подлежат применению все особенности, установленные Кодексом для данного вида производства, в том числе касающиеся вступления в законную силу и исполнения решения, рассмотрения апелляционной, кассационной жалоб (часть 3 статьи 180, часть 2 статьи 182, глава 29, часть 2 статьи 257, статья 272¹, статья 288², часть 3 статьи 291¹, статья 291¹⁶ АПК РФ). Указанные особенности применяются при рассмотрении заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных по любому делу, независимо от порядка его рассмотрения (общий или упрощенный) или суммы заявленных расходов, за исключением случаев, когда федеральным законом установлено специальное правовое регулирование относительно их распределения.

Исходя из содержания части 1 статьи 223 АПК РФ, пункта 1 статьи 32 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК РФ, с учетом особенностей, установленных Законом о банкротстве. Поскольку в Законе о банкротстве закреплена специальная норма, регулирующая порядок распределения расходов (статья 59 Закона), в том числе, расходов на выплату вознаграждения арбитражным управляющим, предусмотренные АПК РФ особенности упрощенного производства при рассмотрении арбитражным судом соответствующего заявления не применяются.

В то же время положениями Закона о банкротстве не установлены какие-либо особенности рассмотрения заявления о распределении судебных

расходов, понесенных в рамках конкретных обособленных споров, в связи с чем оно рассматривается с применением положений абзаца третьего части 2 статьи 112 АПК РФ в редакции Федерального закона № 667-ФЗ.

ВОПРОС 3. В каком порядке рассматриваются апелляционные, кассационные жалобы на судебные акты арбитражных судов, принятые по итогам рассмотрения заявления об индексации присужденных денежных сумм?

ОТВЕТ. В соответствии с частью 2 статьи 183 АПК РФ заявление об индексации присужденных денежных сумм рассматривается в десятидневный срок со дня его поступления без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле. В случае необходимости арбитражный суд может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, известив их о времени и месте его проведения.

По смыслу части 1 статьи 266, части 1 статьи 284 АПК РФ апелляционные и кассационные жалобы на судебные акты, принятые по итогам рассмотрения указанного заявления, рассматриваются также без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле. В случае необходимости суд вправе вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, известив их о времени и месте его проведения.

ВОПРОС 4. Какие особенности следует учитывать при применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона № 667-ФЗ?

ОТВЕТ. При применении положений АПК РФ в редакции Федерального закона № 667-ФЗ, вступившего в силу 5 января 2024 г., следует учитывать, что по общему правилу порядок судопроизводства определяется в соответствии с федеральным законом, действующим во время рассмотрения дела, совершения отдельных процессуальных действий или исполнения судебных актов (часть 4 статьи 3 АПК РФ).

Соответственно, после вступления в силу Федерального закона № 667-ФЗ установленный данным законом процессуальный порядок подлежит применению при рассмотрении искового заявления, заявления; апелляционной жалобы на судебные акты арбитражных судов субъектов Российской Федерации; жалобы, поданной в арбитражный суд кассационной инстанции; кассационных жалобы, представления, поданных в Судебную коллегию Верховного Суда; жалобы, представления, поданных в порядке надзора в Президиум Верховного Суда, на судебные акты, указанные в

части 3 статьи 308¹ АПК РФ, и в том случае, если они были поданы до вступления в силу Федерального закона № 667-ФЗ.

Если срок рассмотрения дела, предусмотренный положениями процессуального законодательства в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона № 667-ФЗ, не истек ко дню вступления в силу данного федерального закона, применяется срок рассмотрения дела, установленный процессуальным законодательством в редакции Федерального закона № 667-ФЗ (например, часть 1 статьи 267, часть 1 статьи 285 АПК РФ).

Если рассмотрение дела было начато до вступления в силу Федерального закона № 667-ФЗ по общим правилам или по правилам упрощенного производства судьей единолично или судом в коллегиальном составе, то после вступления в силу данного федерального закона дело подлежит рассмотрению в том же порядке и тем же судьей или в том же составе суда.

В случае если указанная в исковом заявлении о взыскании денежных средств цена иска составляет для юридических лиц от восьмисот тысяч до одного миллиона двухсот тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей от четырехсот до шестисот тысяч рублей и такое исковое заявление было подано до вступления в силу Федерального закона № 667-ФЗ, арбитражный суд после вступления в силу данного федерального закона продолжает рассмотрение дела в общем порядке.

Заявления об индексации присужденных денежных сумм рассматриваются в соответствии с процессуальным законодательством, действующим во время их рассмотрения (часть 4 статьи 3 АПК РФ).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Из Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г., исключается ответ на вопрос под номером 25.